

ПЕСНИ В ОДИНОЧКУ

<http://twin-persona.org>

Санкт-Петербург
2017

*Посвящается
моим родителям,
моим любимым
и
моим учителям*

ОТ АВТОРА

Я очень рада, что вы держите сейчас в руках эту книжечку, мой дорогой читатель. Рада знакомству с вами и возможности распахнуть перед вами свою душу. Эти рассказы, в чем-то автобиографичные, в чем-то продиктованные фантазией, стали побочным продуктом во время работы над моим основным проектом. Слова в них — просто указатели на те эмоциональные переживания и образы, которые сопровождали напряженную работу ума на протяжении нескольких лет.

Сразу хочу принести свои извинения тем из вас, кто не очень хорошо понимает по-английски, так как некоторые фрагменты текста приведены именно на том языке, на котором были рождены умом. Как многим из вас хорошо известно, каждый иностранный язык создает внутри свой контекст восприятия окружающего мира. Некоторые образы приходят только из одного контекста и отсутствуют в другом.

Если вы внимательны и дотошны, то предлагаю вам прочитать рассказы в том порядке, в котором они расположены. Тогда они проведут вас по пути от самых глубоких человеческих страхов до внезапно возникшего чувства внутреннего спокойствия и удовлетворения. Если же вы противник какого-либо заданного порядка и предпочитаете следовать собственной интуиции, то смело читайте текст с любой страницы, или даже с конца, — вы не пропустите ничего важного. Каждый найдет среди этих образов для себя именно те, что резонируют сильнее всего.

Все эмоции и физические ощущения, которые могут возникнуть у вас во время чтения, исключительно ваши. Это реакция именно вашего организма на потревоженные внутренние раны, при их наличии. Если реакция очень сильная, обязательно дочитывайте текущий рассказ до конца! В этот момент происходит непосредственная трансформация. Если вы будете просматривать один и тот же текст еще раз, то заметите, что фокус рассказа начнет меняться.

Я хочу пожелать вам захватывающего путешествия по волнам эмоций. Не ищите здесь никакого скрытого смысла и не выстраивайте логических цепочек. Смысл придет сам. Дайте ему время.

Счастливого пути!

22.11.2016

Санкт-Петербург, Россия

Группа в VK: https://vk.com/pesni_twin

Группа в Facebook: <https://facebook.com/pesni.twin>

Александра Рощина

**ПЕСНИ
В ОДИНОЧКУ**

Художник: Елена Канаева

Санкт-Петербург

2017

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу выразить глубокую благодарность моим духовным учителям.

Миша (<http://waytoself.ru>), прежде всего, я обращаюсь к тебе. Ты первый и единственный человек, которому я позволила заполнить мою жизнь таким количеством разочарований. Ты протащил меня сквозь терновый куст и удовлетворенно улыбнулся, столкнув лицом к лицу с самой собой. Ненависть и любовь да будут трепетать в золотых волнах Абсолюта.

Папа, мама и, конечно, бабуля, я люблю вас!

Также я хочу сказать спасибо ныне здравствующим и уже ушедшим учителям, которые оказали мне сильнейшую поддержку: Ошо, Сергей Веретенников, Michael Sharp, Махаришии, Надежда Николаевна, Пресвятая Дева, Нго-Ма, Друнвало Мельхиседек и Виктор Капустин.

Вы навсегда в моем сердце.

*Не трогай нежный огонь их глаз,
Дыхание ветра, наивность, тревогу,
Порывистый смех спутанных фраз
И душу, чутко раскрытую к Богу.
Смотри и вдыхай аромат их снов,
Ложящихся в строки, ноты и краски.
Вне форм и крика язвительных слов
Собственный свет проступит сквозь маски.*

ПЕСНЯ 1 – КОРИДОР

Щелкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту. Дверь закрылась – стук шагов по деревянным дощечкам паркета, – и еще одна дверь закрылась. Скрип, шорох, мягкий выдох спящей рядом в своей кроватке сестры. Тишина. Сердце замерло, мышцы напряглись, слух стал острее и избирательнее. Всю площадь кровати Лори мысленно разделила на зоны, и, свернувшись калачиком, замоталась в одеяло в самой центральной и самой безопасной из них. Осталась только маленькая щелочка для носа. Душно. Одеяло плотно подоткнуто со всех сторон и лежит ровно в центральной зоне. Всю эту конструкцию и систему дыхания Лори тщательно продумала. Она предусмотрела необходимость время от времени на несколько секунд откидывать верхнюю часть одеяла, чтобы резко оглядеть комнату, зафиксировать изменения теней и снова оказаться в своем укрытии. Еще иногда нужно было разминать затекшие ноги, которые попадали сразу в несколько опасных зон кровати, и требовалось мужество, чтобы решиться и проделать этот маневр максимально быстро.

«Винни-Пух и Пятачок идут по дорожке, вниз с холма», – Лори мысленно начала настраивать в голове свою самую действенную и любимую картинку. Впереди еще много длинных минут ожидания прихода сна. «Они идут и смеются, а Пятачок радостно показывает новый – газовый – шарик. Большой красный шарик! С одного бока у шарика пятно от чернил».

Лори откинула одеяло. Вдох. Быстро пробежать взглядом по периметру шкафа, по двери и висящему на ней кусочку ткани с самодельными карманами, набитыми всякими заколками и расческами. Проверить, что дверь все так же плотно закрыта. На шкафу – темное пятно. «Нет, это просто тряпка». Снова под одеяло. Выдох.

«Пятачок, отпусти шарик. Пускай он полетит!» Лори увидела, как шарик плавно оторвался от руки Пятачка и взмыл в небо. Его яркий красный цвет стал еще более светящимся и заполнил собой все вокруг – и даже радостно улыбающихся Пятачка и Винни-Пуха.

Скрип. Картинка мгновенно рассыпалась. Духота. Лоб покрылся каплями пота. «Что за скрип?» В животе вспыхнула искра волнения, и горячая волна тревоги разлилась по телу Лори. Тишина.

Волны, одна за другой, гонят раскаленные от страха мысли и превращают их в капли пота. Под одеялом становится невыносимо.

«Спокойно. Все в порядке. Все это кажется. Я могу с этим справиться. Я сильная и уже большая. Я могу спать одна». Невыносимая жара, и трудно дышать. Мокрые волосы противно прилипли к лицу и норовят залезть в нос. «Нужно, обязательно нужно проверить, что в комнате все в порядке», – настойчиво зашептал голос в голове у Лори. «Тряпка на шкафу уже могла превратиться в огромного черного паука, а дверь могла открыться сама и впустить что-то липкое и противное. Скорее, скорее, нужно проверить!»

Лори почувствовала, что реакция в теле уже запущена. Она знала, что ни в коем случае теперь нельзя думать про страх. «Шарик, Винни-Пух, летний день, дорожка, холм... дорожка, холм, зеленая трава... зеленая... черная, черное пятно, черная туча, холод, страх...» Крик замер внутри груди, сердце бешено застучало. Перед глазами встала долина, заполненная призраками с длинными молочно-белыми тонкими руками. Она должна будет сейчас пересечь эту долину, которая простирается в коридоре между дверями двух комнат. Времени на размышление уже нет – комната начала наполняться ужасом, а за дверью послышалось тихое завывание.

Лори в миллионный раз четко представила, что нужно делать. Ужас внутри достиг критической отметки. Она резко вскочила, отбросив одеяло, чтобы отвлечь на него внимание «черных», и пробежала к двери. Первый этап пройден. Теперь можно оглядеть комнату и немного перевести дух. В узком проходе между двумя кроватями свет уличного фонаря проложил на полу золотую дорожку. Шкаф уже не кажется таким таинственным, когда стоишь с ним рядом, а в зеркале отражается спокойствие, царящее в сонной комнате. Мимолетное ощущение умиротворения.

Но назад нельзя. Теперь дорога лежит только сквозь долину коридора. Левая его часть теряется в крошечной тьме вешалок, забитых уличной одеждой, и входной двери, откуда приходят все эти «черные». Правая же часть делает резкий поворот, за которым разворачиваются просторы кухни, где «черные» живут по ночам и скрипят старым деревянным паркетом, когда проходят из угла в угол.

Лори осторожно нажала на ручку и максимально бесшумно открыла дверь, чтобы не разбудить сестру. Теперь впереди была

темнота, и можно было спокойно закрыть глаза – Лори могла эти несколько шагов пройти даже во сне. Здесь каждое движение уже было отработано. «Черные» караулили и справа и слева. У нее будет всего несколько секунд на то, чтобы пересечь коридор, а иначе «черные» пронзят ужасом ее сердце и заставят его окаменеть.

Босые ступни замерзли, и волосы на ногах встали дыбом. Лори сделала шаг в черную пропасть. Молниеносно развернулась, чтобы так же осторожно закрыть за собой дверь, и успеть повернуться, пока «черные» не напали сзади. На глаза больше нельзя было рассчитывать, да и не было в этой зловещей долине ни одного существа, которое можно было бы зафиксировать с помощью зрения. Слева уже началась какая-то возня. «Скорее!»

Метр коридора между двумя комнатами насчитывал миллионы мнимых секунд дороги наощупь, эха скрипящих под ногами дощечек и гулкогo стука словно отделенного от тела сердца. Казалось, сил не хватит, казалось, невозможно будет выдержать напряжение, и придется обернуться, чтобы навсегда превратиться в камень, увидев «черных».

Ручка двери оказалась в руках. Спасительная ручка. Последний рывок. «Не оборачиваться, не оборачиваться», – твердила себе Лори. «Красный шарик в небе, улыбка Пятачка...» Резкий рывок ручки двери вниз, резкая струя ужаса по сердцу, и ноги на секунду застыли на месте, а пол покачнулся. Вакуум и гулкая звенящая тишина в голове. Нужно потянуть дверь на себя, а сил больше нет. Внутри только крик и ощущение приближающихся с кухни «черных» всеми клеточками спины. «Надо, Лори, слышишь, надо! Вперед! Сейчас!» – закричал голос в самые уши. Лори вздрогнула всем телом, дернула ручку на себя, заскочила в комнату и захлопнула за собой дверь. Это была победа! Сюда «черные» не смогут попасть.

Ощущение приближающегося счастья. Гордость. Последние метры внутреннего коридорчика комнаты – и теплый кусочек маминогo одеяла и десять сантиметров ее кровати. Горячие заботливые руки, успокаивающий шепот, и последний тревожный взгляд на дверь перед тем, как сон отключил внешнее восприятие.

ПЕСНЯ 2 – СМЕРТЬ, ИЛИ «РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ»

Сабрина закрыла глаза. Чернота мысленного экрана вспыхнула светом фар. Рядом с высокой аркой старого многоквартирного дома, украшенного лепниной и аккуратными ажурными балконами, стоит почти незаметный темный грузовик. Дрожь.

Сабрина с усилием сделала выдох и напряженно зажмурилась. Кажется, что картинка исчезла. И снова резкая мгновенная вспышка фар. Темнота. Очертания грузовика. Две пары сильных рук – тяжело дышать, подавленный крик, ужас, резкая боль от сведенных сзади локтей, струя обжигающего ветра, вырвавшаяся из арки, и стук ног по небольшой железной лесенке, спущенной из живота грузовика. Картинка покрылась рябью и исчезла.

Сабрина сидела на столе, сжав пальцами его край и впившись ногтями в его деревянную поверхность. Уличный фонарь отбрасывал ровный желтоватый свет на стекло и золотой дорожкой лежал на полу. Полупрозрачные шторы покачивались от пробегающих по ним волн – форточка была открыта для порывистых струй свежего ночного воздуха. Все тело словно окаменело и застыло в напряженном ожидании.

И вдруг мысленный экран снова вспыхнул от резкого света фар. Грузовик. Лестница. Руки, замерший внутри крик, стук ног по железным ступенькам. Забытье, мрак в узком отсеке внутри грузовика и длинный светлый льняной балахон, наброшенный на голое тело. Сабрина вспомнила, как внимание от запаха пота и давления нависшей тишины вдруг переключилось на тихий всхлип где-то в противоположном углу помещения. «Здесь еще несколько женщин», – отозвалось в глубине ее замершего сознания.

Сабрина снова открыла глаза и бросила мысленный взгляд далеко сквозь оконное стекло. Там, за рядами припаркованных на ночь машин, были и арка, и грузовик, и испуганно забившиеся в угол женщины в длинных балахонах на голое тело.

«Где мы?» – свой собственный голос кажется Сабрине таким слабым и пустым. Никто не отвечает. Никто не знает, что будет,

если звук произнесенных вслух слов будет слишком громким. Сабрина не любит тишину, с детства не переносит напряженного ожидания в незнакомых очертаниях новых помещений. «Где мы?» – снова произносит она довольно громко, с трудом поднимаясь на ноги. Проходит несколько секунд. Шаги. Одурманенные маревом страха другие женщины вжимаются в угол еще сильнее, замирают и исчезают из сознания Сабрины.

Резкий толчок в дверь, резкий свет по глазам после долгого полумрака. Сабрина замирает на месте, широко раскрыв глаза, – но за дверью никого нет. Она чувствует, как по коже мурашками пробегают электрические разряды, и голос исчезает где-то в глубине горла. Огромное, невероятно огромное, помещение внутри наполнено приглушенным блеском свечей. Пустота. Волна страха, еще одна. Капли пота на лбу. Длинные волосы спутаны и в беспорядке разбросаны по плечам.

«Внутрь», – громкий металлический голос раздается прямо в правом ухе Сабрины. Она резко вздрагивает и инстинктивно цепляется за ручку открытой двери, чтобы не упасть. Кто-то хватается за локти и втаскивает в помещение. Дверь с хлопком закрывается, и Сабрина падает на пол.

Вокруг нарастает гул голосов. Комната заполняется тенями. Они скользят по деревянным елочкам паркетных дощечек. Становится нестерпимо душно. Сабрина лежит, вжавшись в пол. Время от времени она забывает дышать, и только, не поднимая глаз, следит за перемещениями теней вдоль ровных желобков паркета.

«Встать», – металлический голос произносит команды отчетливо, и сознание Сабрины резко сжимает все мышцы – Сабрина вскакивает на ноги, и ее мозг пронзает боль. Зрачки ее глаз расширены от ужаса. Комната заполнена плотными волнами сфокусированной агрессии. «Раздеться», – командует голос. Волны вокруг поднимают одобрителный гул. Сознание Сабрины отступает и делает несколько шагов в сторону. Оттуда оно наблюдает за падающим на пол балахоном, открывающим плавные изгибы тела Сабрины. Секунды делятся одну вечность за другой. Каждая клеточка, сделав вдох, приготовилась и замерла в ожидании.

Сабрина чувствует их взгляды. Все ее восприятие обострено до предела – она слышит их мысли, наполненные ненавистью и жадой. Каждый из них хочет беспределного обладания, по-

виновения, неограниченной власти над этим чужим телом, хочет быть причиной жизни, смерти или возникновения нового тела из этого, лишённого сознания и одурманенного страхом сгустка живой материи. И тело отвечает на их мысли. Оно резонирует, дрожит и отдается их потоку, лишённое контроля. Оно готово следовать за ними, готово повиноваться и быть для них игрушкой.

Ярко освещенная сцена. Зал заполнен мужскими телами. Тело Сабрины за руки привязано длинными обрывками каната к железным прутьям большой клетки. Крики, свист, хохот, вождение, слюни, пот. Тела кишат вокруг сцены, движимые желанием владеть, подчинять, лишать воли. Здесь есть только одно правило: женское тело внутри клетки трогать руками нельзя, иначе игра закончится слишком быстро, и зал нужно будет освобождать от разорванных, не вынесших конкуренции тел, выгонять оставшееся безумное стадо и убирать следы крови с ковров. Металлический голос, раздающийся в правом ухе каждого участника, четко руководит ходом представления.

Тело Сабрины беспрекословно выполняет команды. Оно невероятно пластично, отзывчиво и готово ползать на коленях, принимать любые позы, произносить любые фразы под озлобленный свист и гул окружающей толпы. Оно кажется толпе невероятно чутким, а иногда оно даже как будто опережает их желания. Такие моменты вызывают у зрителей бурю восторга. Абсолютная власть. Абсолютное подчинение. Полное удовлетворение очередного тела в обмен на еще одну каплю сознания, упавшую в невидимую корзину тени, обладающей металлическим голосом. Каждое промедление в исполнении команды металлического голоса, который знает все желания каждого из участников, – и резкий острый удар в сердце Сабрины. Она издает стон, а публику накрывает еще одна волна вождения.

Проходят часы. Некоторые тела не выдерживают и бросаются друг на друга, рвутся к клетке, только чтобы быть растоптанными другими телами. Они рвут друг друга на части. Они умирают за право полного обладания, умирают за лучшее место у клетки, за право выкрикивать свою собственную команду, за право подчинять, за право быть замеченными, за взгляд, полный страсти и вождения, за временно ушедшее телесное напряжение, за из-

бавление от тяжких оков сознания, а кто-то умирает просто так, желая почувствовать вкус собственной покорности.

Ресницы Сабрины задрожали, и она открыла глаза. Ребенком она очень любила игру, в которой водящему завязывают глаза, и он должен идти наощупь, ориентируясь на окружающие звуки, чтобы поймать одного из остальных участников. Часто игра проходила на улице, в той области детского городка, где был шаткий навесной мостик, две деревянные башни и проход между ними. Основания крыш башен, для прочности, были соединены двумя досками, прибитыми узкой частью вверх. Расстояние от одной башни до другой было всего метра два-три. Но на высоте расположенных выше человеческого роста соединительных досок это расстояние становилось угрожающе длинным. Узкая верхняя их часть чем-то напоминала канатную дорожку. Здесь свое мастерство переходить от одной башни к другой по верху показывали уже только взрослые дети. Это считалось верхом мастерства.

Однажды во время игры Сабрина не выдержала и, пока водящий и другие участники были полностью увлечены, она вплотную подошла к башне и начала на нее карабкаться. Взрослые дети всегда так делали – она только точь-в-точь старалась повторить все их движения. Никто не обратил на нее внимания – никто не помнил, делала ли она когда-либо что-то подобное. Она вскарабкалась на вершину башни и медленно встала во весь рост, держась рукой за крышу. Впереди была пара метров узкой дощечки до следующей башни. Ветер здесь наверху казался сильнее, а земля дальше.

Все замерло для Сабрины. Тишина. Она выдохнула и закрыла глаза, поставив ногу на узкую деревянную тропинку. Вдруг слева от нее, на фоне голубого неба, вспыхнул яркий трепещущий шарик света. Сабрина ощутила или почти услышала, как теплый и мягкий голос сказал: «Я с тобой. Можно идти. А я буду рассказывать тебе сказку, пока твои ноги делают шаги». Окутанная ласковым сном, Сабрина слушала мелодию этого голоса. Ее сознание полностью растворилось в нем и блаженно летало где-то рядом. Голос рисовал в воображении серый бабушкин пуховый платок, далекие чудесные страны и трепет неизведанных

чувств. А потом мелодия оборвалась так же внезапно, как и возникла. Сабрина поняла, что держится рукой за вторую башню, ее сердце бешено колотится, а внизу раздаются испуганные голоса ее друзей.

Сабрина сделала глубокий выдох и снова медленно и почти нерешительно закрыла глаза. Свет фар на мысленном экране. Арка, грузовик, порыв холодного ветра, стук шагов по железной лестнице, длинные балахоны на голое тело, блики теней на деревянных дощечках паркета, клетка, разгоряченные тела и металлический голос, отдающий приказы.

Тело Сабрины вздрагивает от череды электрических разрядов и в изнеможении падает на дно клетки. «Встать», – командует голос. Тело Сабрины недвижимо, а глаза широко раскрыты. Удар в сердце. По телу пробегает дрожь. Слабый стон. Шум голосов нарастает, их ярость усиливается с каждой минутой. «Встать», – повторяет голос. Удар. Глаза Сабрины закрылись. Удар. Стон. Тела начинают рваться к клетке и давить друг друга. В воздухе появляется солоноватый привкус. Удар.

В изнеможенный мозг Сабрины по капле начинает просачиваться сознание. Отключив болевые рецепторы, оно медленно заполняет силой вены и мышцы, возвращая контроль над телом. Сердце больше не реагирует на удары, а металлический голос звучит словно за стеклянной стеной и постепенно растворяется в общем гуле. Мысленный экран вспыхивает новыми красками. Сабрина видит маленькую девочку. Девочка делает выдох, ставит ногу на узкую дощечку между двумя башнями и нерешительно поворачивает голову в левую сторону. Ожидание. Ясное голубое небо и вечернее теплое солнце. Ожидание. Девочка закрывает глаза и тихо спокойно шепчет: «Ты мне очень нужен. Очень. Прямо сейчас...» Ожидание. Тишина. Девочка вглядывается в золото солнечных лучей. В небе неслышно стоит его улыбка. Она заполняет все вокруг, она простирается от горизонта до самой клетки, она заполняет комнату, она заполняет весь грузовик, свет его фар, арку, многоквартирный дом с ажурными балкончиками и растворяется в звездах необъятного ночного неба.

Сабрина осторожно, не открывая глаз, поставила одну ногу на пол. Нащупав твердую поверхность паркета, она аккуратно соскользнула со стола и сделала несколько шагов к центру комнаты. Немного помедлив, она помассировала затекшую шею и осторожно сделала полукруг головой, чтобы размять ее. В комнате играла тихая спокойная музыка. Сабрина вспомнила о музыке и плавно начала покачиваться в такт. Ее руки мягко ловили в воздухе его прикосновения, ее ноги аккуратно переступали, поднимались на носочки и снова опускались в его объятия. Сабрина танцевала его улыбку...

ПЕСНЯ 3 – ДЕТИ

Белые стены

В палату ввезли женщину. Она была неподвижна. Слипшиеся волосы размазаны по шее и краям лица. Повяло холодом. Под телом на тележке лежало несколько серебристых хирургических инструментов и кусок ваты, пропитанный кровью. Дверь палаты закрылась. Длинный белый коридор, пропахший антисептиками, плавал в полумраке щемящего чувства неизбежности. Здесь не было детей. Здесь им не давали появиться на свет. Здесь серые женские тени дрожащими руками подносили ко рту во время обеда жидкую водянистую овсянку. Их стеклянные глаза ничего не выражали. Они приходили, садились, вставали и уходили, тихо и испуганно, прибитые сочувственными взглядами поварих.

Лори вспомнила, как однажды спросила незнакомого мужчину, почему он живет один. «Вот, например, я покупаю машину», – сходу ответил он, – «и спокойно, сколько угодно раз, могу открывать дверцы, входить в нее и выходить, и она никогда не принесет мне в багажнике еще одну машину, которую тоже надо будет содержать. Я просто поверну ключ, включу обогреватель, и согрею замерзшие пальцы. Она моментально отзовется на нажатую педаль и, послушно повинувшись движениям руля, отвезет меня утром в то самое кафе, где подают мои любимые хрустящие тосты с сыром. Никаких истерик, бесконечных сборов и посторонней возни».

Дубленка

Троллейбус подъехал, заполненный до отказа людьми в разносортной зимней одежде, пестрых варежках и подбитой мехом обуви. Девочка лет тринадцати испуганно прижала к себе большой рюкзак с учебниками и нотами, совершенно квадратный от втиснутой в него чертежной доски. Ждать другого не было времени – уроки начнутся ровно в 9. Внутри духота; люди стоят вплотную друг к другу. Рюкзак нужно держать очень крепко – в нем драгоценный циркуль и несколько бумажек на сладкую булочку во время полдника. Девочка почти не дышит, и длинная, несуразная, задубевшая на морозе дубленка стоит колом, вшившись в подбородок. В мыслях висит отрывок английского текста, который она как молитву повторяет уже в десятый раз за сегодняшнее утро.

Сначала девочка решила, что кто-то хочет протиснуться к выходу. Но рука просто продолжала лежать чуть выше ее колени, поверх дубленки. Голос замер в горле. Девочку ошпарило духотой, невозможностью пошевелиться, тяжестью рюкзака и холодом тонкого слоя инея на меховой оторочке воротника. Немного помедлив, он приподнял полу дубленки, и теплая его рука легла на внешнюю сторону колени под тонкой шерстью колготок. Ноги девочки одеревенели, а его рука медленно поползла вверх. За окном проплывали заснеженные деревья, покрытые изморозью столбы. Троллейбус слегка подпрыгнул, пересекая трамвайные пути, и рука снова скатилась к коленке. По телу девочки пробегали горячие волны. Чем выше поднималась рука, тем сильнее кровь стучала в висках; голова словно раздулась от гула раздиравших ее мыслей. В глазах начало темнеть. Неимоверным усилием воли девочка каким-то непонятным ей образом высвободила из-под рюкзака одну свою руку, и, преодолевая напор чьих-то боков, резко и сильно положила ладонь поверх дубленки на чужую руку на своем бедре. Еще несколько мучительных поворотов, ожесточенное сопротивление чужим желаниям, и холодный ветер, хлынувший из открывшихся дверей, разорвал оковы троллейбуса.

Близнецы

Едва стоя на ногах от усталости, Лори подуавтоматически откинула покрывало с кровати. Мысленно все больше уплывая в сон, она растегнула кофточку и начала стягивать юбку. Вдруг еще не погрузившаяся в дрему часть ее сознания уловила подозрительный шорох на кухне. Лори замерла и напряженно прислушалась. Резкий скрип. Сонный ум стал лихорадочно перебирать возможные источники звука. Содрогнувшись от ясного подозрения, Лори опрометью бросилась на кухню.

Детский стульчик был уже пуст, а сестренка, не успев еще ничего сообразить, оказалась на полу. Лори быстро сгребла ее в охапку и принялась нашептывать успокоительные слова, надеясь, что она отвлечется, и ее шок пройдет сам собой.

Тяжелые поспешные шаги и хлопок двери. Лори накрыла волна ужаса. Моментально увидев со стороны на полу саму себя рядом с перепуганной всхлипывающей сестрой и перевернутым детским стульчиком, Лори представила совсем иную картину произошедшего. В дверях показался отец. Окинув поспешным взглядом кухню, он побагровел от ярости. Лори машинально

вжала голову в плечи. Резкий крик, удар по голове, громкий рев еще больше напуганной сестры, и боль, охватившая тело и душу.

Первая любовь

Была ночь. Поезд остановился, и фонарный свет залил окно. Где-то вдали остался город из детских снов. Она снова была там. Мысли бродили по улицам и закоулкам прошлого. Напряжение вернулось. Время на один день остановилось, порвавшись, и повернуло вспять. Картинки, старые черно-белые и новые, цветные, смешались. Все было едино. Все ожило и затрепетало.

Был автобус. Он вез на встречу, которая должна была состояться много лет назад или вообще не состояться. Мы сами порой не узнаем своих желаний, а они продолжают сбываются. Автобус рассекал воздух, преодолевая десятки километров, оставляя позади себя следы на белом снежном покрытии дороги. Неслышно тикали часы, сокращая расстояние. Она сидела, смотря в окно. Минуты последнего часа она прочувствовала все. Каждую по отдельности. Каждую она проводила взглядом, отзывающимся в дрожащем напряжении нервов.

Остановка. Глубокий вдох. Снег и ветер с улицы ударили ей в лицо. На секунду она потерялась в потоке незнакомых лиц. Но он был здесь. Пришел и стоял с букетом. «Розы», – подумала она. Розовые лепестки, непонятно как оказавшиеся здесь вместо прежних, порывисто сорванных цветов из школьного садика. Букет шуршал, когда он отдал его ей, а потом снова, когда она попросила его пока самого понести цветы. Он обнял ее, но ее сердце ошеломленно молчало. Она не узнавала его или не хотела узнавать.

Шли долго-долго. Магазин. Продукты. Дом... Он стал казаться ниже, немного поправился, его руки изменились, в его лице появились новые черты. Он был чужим. Он курил. А она сидела напротив и видела, как двенадцатилетняя девочка впервые отпросилась у мамы на вечерний костер до полуночи. Она шла на речку, чувствуя, что этим вечером должно было произойти что-то очень важное и необычное. Когда на землю уже опустились сумерки, и предметы приобрели сказочные формы, мальчик вдруг подошел к ней и сказал: «Будем откровенны, я тебя люблю!»

Вода

Он вышел – она молча закрыла дверь. В квартире стоял его запах. В ванной набиралась вода. Она опустилась в воду, задержала дыхание и, зажав нос пальцами, ушла на дно. Вода мягко обволакивала кожу. Тело звенело. Резкая вспышка воспоминания: он

крепко держит ее за волосы и монотонно входит в ее распростертое тело; острая боль. Вдох и задержка дыхания. Вода забирает тяжесть и промывает.

Ненависть

Мужчина привычным движением положил руку на коленку Лори. Она вздрогнула – поежилась, мягко сняла руку и в отчаянии отвернулась к окну. Огромное, во всю стену стекло, отделяло кровать от раскинувшихся по ту сторону изумрудных холмов. Вдалеке, в глубине травяных полей, занималась заря, и солнце медленно расплывалось над горизонтом и узкой полоской моря.

Боль

Мужчина посмотрел на Лори, и она увидела его боль. Ее губы расплылись в улыбке – боль была настолько сильной, что Лори не знала, как реагировать. Ее душа замерла. Он был ей безумно дорог. Любимого человека ни с кем нельзя делить. Вы настроены друг на друга, и любая дополнительная связь вызывает эмоциональный всплеск от разорванного контакта. Любимый человек – это лампа, которая заряжается от солнечных батарей окружающего мира, чтобы обменяться с вами полученным теплом. Это зеркало – и вы в нем видны как на ладони. Если любимый человек уходит, он никогда не возвращается прежним.

Дети

Девочкам было лет по 6. Их практически одинаковые личики смотрели на Лори с заговорщицким блеском в глазах.

«А ты знаешь... этот язык?..» – спросила одна из них и замерла в ожидании, боясь пошевелиться.

«Знаю», – после многозначительно выдержанной паузы ответила Лори. Все остальные дети разом повернулись, недоверчиво напряглись и уставились на нее. Лори медленно перевела взгляд поверх кухонного стола и расставленных на нем разноцветных чашек куда-то вдаль, за пределы оконного стекла. Таинственно подмигнув, она начала произносить совершенно бессвязные звуки и обрывки фраз, время от времени повышая или понижая голос, переходя на шепот и меняя интонации. Дети остолбенели и вдруг начали завизжать от восторга. Они обступили Лори и каждый попытался обнять ее.

Дети чувствуют вас. Просто чувствуют и знают, нужны они вам или нет. А вы нужны им всегда. Держите их за руку, пока они сами не разожмут пальцы.

ПЕСНЯ 4 – КРИК

Разговор резко закипел. Терпение закончилось, и Лори все яснее ощущала, что со стороны собеседника готовы прорваться высокие напряженные ноты, которые могут в любую минуту внезапно обратиться в крик. Головокружение, подступающая тошнота, инстинктивное желание втянуть голову в окаменевшие плечи, чтобы найти там защиту и поддержку. Мысленный взгляд скользил по телу и в который раз проверял готовность всех мышц к обороне. Слова звучали, но внутренний экран больше не отражал их значения, и они проскальзывали мимо сознания, как шарики для пинг-понга. Все доступное визуальное место было занято фиксацией каждого малейшего изменения положения тела собеседника. Телесная пружина сжалась до предела.

Крик. Человек напротив, не выдержав повисшего молчания, молниеносно поднял руку. Удар пришелся ровно на середину затылка. Мысленный экран на мгновение погас, и голова отозвалась тяжелым гулом. Молчание. Рука поднялась снова, но в этот раз Лори была быстрее. Она уклонилась, вскочила, на ее глазах выступили слезы. Ненависть. Все тело ошпарено ненавистью. Горло сжато, раздавлено тяжестью невысказанных слов, слипшихся со слезами и болью. Грудь окаменела. Все мышцы одновременно сократились и одеревенели. Крик, переросший в визг. По телу прокатилась горячая волна, и оно начало содрогаться от рыданий. Резко включилось сознание, и мышцы ног, обретя способность подчиняться командам мозга, вынесли Лори вон из комнаты. Хлопок дверью на всем максимуме вернувшихся сил. Крик. Ярость, боль, обида. Пол. Рыдания.

Мужчина неуверенной рукой открыл дверь. Все мгновенно замолчали, остановившись на полуслове. Повисло болезненное, напряженное молчание. Мужчина, смотря в пол и держась руками за стенку, бормотал несвязные слова, жаловался и, заранее предвосхищая реакцию окружающих, уничижительно оправдывался. Лори смотрела на его согнутую фигуру, с трудом продолжая дышать воздухом, наполненным тяжелым запахом алкоголя и мужского пота. Она смотрела и думала, что от этой фигуры не

вело раскаянием. Жестокая гордость, смирение с собственными неудачами, настойчивое стремление к невидимым целям, паталогическое властное и ожесточенное недоверие.

Окружающие машинально сделали несколько шагов назад, когда мужчина, шатаясь, отправился в комнату, бормоча и разговаривая сам с собой. Их мгновенно объяло знакомое чувство неизбежности и затягивания в воронку тяжелого ожидания, зависящего от непредсказуемых скачков мыслей в голове этого человека. Словно скованные магнитом, они, разойдясь по своим делам, продолжили ощущать его, ловить звуки, доносившиеся из комнаты. Всюду витало тревожное чувство его неизбежного присутствия.

Ночь. Сила голосов в комнате стала нарастать. Внутренняя плотина выжидательного спокойствия разом прорвалась, и тревога хлынула по венам, превратившись в дрожь. Шум, ночь, духота сонной квартиры. Крик. Испуганный женский голос. Крики переместились на кухню. Даже плотно закрытая дверь вибрирует от яростного напора мужского голоса. Слова, слова, от которых волосы на теле наэлектризованно встают дыбом, слова, которые бьют сильнее рук, рвут на части все внутренности и отзываются нарастающим эхом внутри головы.

Резкий страх. Лори села на кровати. Крик. Лори спустила босые ноги на ковер. Женский крик. Хлопок двери. Испуганный голос пожилой женщины. Лори стоит и смотрит, как внутри нее пляшут разноцветные вспышки света. Каждое слово имеет свой оттенок и интенсивность. Каждое по-своему вибрирует и отзывается внутри. Снова крик. Сильные слова, сильные, невыносимо сильные.

Лори идет на кухню. Ватные ноги неслышно ступают по линолеуму. Одна дверь, другая, третья... Яркое пятно света, размазанное полупрозрачным стеклом двери. Крики, крики, такие высокие ноты – озверевшие скрипки совсем оторвались и разорвали душу. Усилие воли. Свет открытой двери хлынул в коридор. Знакомый душный запах спиртного, грязных носков, пота и ярости. Рука поднялась и стукнула женщину головой об стену. Пол покачнулся. Ярость расплзлась по всей кухне. Лори сделала шаг навстречу мужчине со стеклянными глазами, остановилась в полушаге и положила руку на его руку, готовую к замаху. «Стой», – сказала она

чужим голосом. Рука замерла. Ярость. Рука снова поползла вверх, но уже в сторону Лори. Мысленный взгляд Лори привычно молниеносно заскользил по телу, готовясь к обороне. Но рука вдруг застыла в воздухе. Ярость. Слова, слова, сильные, как брошенные с высоты камни. Проблеск сознания в глазах мужчины. Тяжелые, озлобленные шаги и хлопок двери.

Огромные волны, одна за другой, набегали на берег. Порывы ветра и холод ноябрьской ночи. Жесткий прохладный песок почти обжигал ступни. Лори в нерешительности помедлила еще несколько секунд. Внезапно ее тело раскололось на миллионы осколков, и из груди вырвался крик. Окунувшись в него, она разбежалась и бросилась в ледяные волны. Дыхание перехватило, и какая-то сила вытолкнула Лори на поверхность, в бушующий ветер вечно штормящего острова. Крик. Шум волн. Волны, волны, волны...

ПЕСНЯ 5 – СЕКС

Лори открыла дверь ванной – папа быстро отпустил резинку оттянутых в сторону трусов стоявшей перед ним мамы. Резинка с хлопком снова плотно прижалась к маминой талии со стороны спины. Лори посмотрела на родителей, а они посмотрели на нее, как будто не понимая, кто она такая. Лори молча закрыла дверь. В ванной было тихо. «Что-то непонятное», – подумала Лори. На нее даже не закричали, как было обычно, когда она делала или видела неправильные вещи. В жизни есть безмолвная часть, которой не существует. «В нашей семье нет секса», – решила Лори годы спустя. «Наверное, поэтому родители всегда такие напряженные, и никогда страстно или нежно не обнимают друг к друга».

Лори с трудом уснула, ощущая присутствие пьяного отца в комнате наверху. Ночной лес потихоньку стрекотал кузнечиками. Старый деревянный дом время от времени поскрипывал и постукивал от случайных порывов ветра. Посреди ночи голоса стали громче, и Лори проснулась. Родители снова орали друг на друга. Лори автоматически нашла взглядом сопящую в своей кровати сестру и убедилась, что с ней все в порядке. Замерев, Лори слушала разговор на веранде. «Ах ты блядь!» – орал отец. «Значит, член Леша тебе нравится больше?!» Он попытался ударить мать или не попытался, а ударил. «Что такое член?» – подумала Лори и снова почувствовала, что чего-то не понимает. Отец пьяным голосом продолжал выкрикивать слова, которые Лори уже с трудом воспринимала. Она только взволнованно и настороженно ловила интонации испуганного голоса матери и резкий скрежет передвигаемой мебели.

«Что же такое член?» – снова вставал перед глазами Лори тот же самый вопрос. Она чувствовала почти животный страх отца по отношению к таинственному члену дяди Леша, который мог запросто увести за собой впечатлительную и яростно самостоятельную мать. Лори видела перед глазами красивого, высокого мужчину с новым фотоаппаратом «Кодак», красивую квартиру, красивые игрушки его дочери. Она смотрела на его расслабляющую обворожительную улыбку, тонкие губы, напряженные паль-

цы и думала, что «член» этого невероятного мужчины, видимо, еще более фантастический.

«Почему мама не защищается?» – невольно сжалась злость внутри Лори.

Секса не было уже давно. Она оттягивала этот момент как можно дольше. Она с трудом сдерживалась и ждала, когда его внимание оторвется от экрана монитора, от бесконечных строк кода и бегающих стреляющих человечков. Она перестала готовить, обсуждать с ним что-либо. Она просто ждала, и это доводило ее до безумия. Она старалась полностью отключиться от настойчиво требующего ослабления тела и словно не видеть половую принадлежность мужа.

Вчера ее напряжение достигло пика, и она, опустившись на пол, начала хохотать, стонать, выкрикивать несвязные слова, плакать и кататься по полу. Он обратил на нее внимание. Она замерла – внутри встрепенулась надежда. «В тебя вселились демоны», – серьезно сказал он, чуть помедлив. Внутри нее резко образовалась пустота. Слова замерли в гортани. Она посмотрела поверх него на дома за прозрачным тюлем окна. «Кто этот человек?» – ошеломленно проговорил внутри нее спокойный голос. «Почему он оказался со мной в одной квартире?»

А сегодня он стоял перед ней на кухне. Никто больше никого не слушал. Тело вдруг разом зазвенело изнутри, и сознание отключилось. Он схватил ее в охапку и потащил в комнату. В его глазах был яростный блеск. Она так давно хотела увидеть его злость, его внутреннюю жизнь, увидеть его настоящего, открыть в нем наглухо забытые двери и выпустить лавину, поднятую с самого дна. На мгновение она испытала огромное облегчение и радость от того, что она достигла своей цели. Но почти сразу осознала, что машина теперь несется сама собой, что контроля больше нет, что крики о боли вызывают волну вождения, что сопротивление приносит только очередной взрыв острой боли. Сознание в бешенстве металось в ее голове, ища выход. Стало ясно, что внешняя, бесконтрольная и неосознающая сила может убить ее.

Крик. Беспомощность, обида, отчаяние. Еще одна яростная попытка. И вдруг она вздрогнула и ясно увидела свое тело со сто-

роны. Тело обмякло и абсолютно потеряло контроль. «Так ты проститутка, тебе это нравится?!» – яростно и возбужденно прокричал он. Сознание замерло где-то в нескольких сантиметрах над спиной и с удивлением смотрело. Оно вдруг отметило, что тело... наслаждается. Он входил в это тело, переворачивал его, делал с ним все, что хотел. Все ощущения пропали. Тишина.

Сознание внезапно упало в тело. Мысль, пронзившая голову, вызвала непроизвольное сокращение мышц, и отозвалась резкой болью. После этого интервалы между мыслями начали увеличиваться почти автоматически. Последней была мысль о том, что он кончит в нее. Прокатилась яростная волна сопротивления.

«Двигаться нельзя», – отозвалось в сознании. Медленно, не производя сокращения мышц, проплыла мысль о ребенке. Так же плавно эта мысль уплыла обратно. Откуда-то изнутри поднялась легкость. Губы сами начали шептать единственную выученную молитву. Сознание нашло долгожданный выход и растворилось в молитве. Секунда-другая-третья.

Она изумленно почувствовала, что он отпрянул от нее. Он вскочил, распахнул дверь. Шум открытого в ванной крана возник словно из ниоткуда. На полу в коридоре стояла вода. Он вскрикнул и отдернул ногу. Кипяток.

ПЕСНЯ 6 – ЖЕНЩИНА

Соня услышала от родителей, что она не будет петь главную роль в детском мюзикле. Она знала, что она лучше второй претендентки, и эта новость ошпарила ее. Соня опустила глаза, но моментально собравшись с духом, улыбнулась и спокойно произнесла привычное «ну и ладно». Она вышла из кухни и задвинула защелку на двери туалета. Высокий потолок словно отражал многократным эхо глухую и ноющую обиду. Воздух казался раскаленным и жег изнутри. Она задержала дыхание.

Через стену с кухни донеслись голоса. «Что она забыла на сцене?» – резко бросил отец. «Это не место для приличных девочек». Две другие женщины что-то добавили или что-то возразили, но Соня не слышала их. «Я не буду как эти глупые певицы на экране», – со злостью и тоской подумала Соня. «Я докажу всем, что я могу гораздо больше...а потом я станцую свой танец и спою свою песню, и все восхищенно замолчат».

Соня нажала рукоятку слива и под шум бегущей воды пошла в ванную. В голове звенела тишина. «У другой девочки мама работает на телевидении, и она договорилась с режиссером», – неуверенно произнес с кухни женский голос.

Соня зашла в ванную, включила кран. Она посмотрела на себя в зеркало и вспомнила, как на вчерашнем прослушивании в их хоре она была лучшей – она прочитала это и в лице одобрительно кивавшей руководительницы. Вода тонкой струей падала на дно раковины и исчезала в темноте трубы.

«Ее мама пошла и договорилась», – напряженно глядя сквозь зеркало себе в глаза, повторила Соня. В ответ зеркало отразило ее одиночество.

«Но без танца нельзя!!» – молча закричала душа Сони, когда тренер сказала, что ее партнера обратно в группу не возьмут. На соревнованиях могут выступать только «взрослые» мальчишки, которые не будут уезжать из лагеря бальных танцев посреди смены, чтобы просто побыть дома с мамой.

Перед глазами Сони пронеслись длинные платья с воздушной меховой оторочкой вдоль подола, натертые парафином туфельки и их стук по блестящему паркету. С замиранием сердца она представила миг перед выходом на сцену, когда все основные повороты уже сто раз повторены в голове. В нескольких метрах, прямо за небольшим куском кулис, раздается взволнованный и неравномерный гул зрителей. Сердце резко поднимается в горло и остается в нем. Музыка. «Раз-два-три», – напряженно считает внутренний голос, и тело, вздрогнув и наполнившись невидимым светом, бросается в объятия танца.

Два года тренировок и работы над парой. Они только начали слышать друг друга, и возникла едва уловимая внутренняя пластичность и взаимная гармония.

«Мы найдем другого партнера!» – сказала тренер десятилетней Соне. Через несколько месяцев, после череды чужих или едва танцующих мальчиков, Соня ушла из группы.

Живот болел. Тошнило. «Когда тебе 12, уже нельзя ныть!» – сказала самой себе Соня. Но живот болел. И ныть хотелось. А вечером Соня обнаружила у себя... кровь.

«Это что-то важное», – отозвалось в уставшей от напряжения и боли голове Сони. Воспоминания о разговорах более старших девочек – чьи-то смеющиеся и смущенные лица. «Придется рассказать маме...» – с ужасом вспыхнула новая мысль. «И что сказать?!» Вихрь догадок, таинственных умозаключений, пугающих картинок.

«Мама, у меня болит живот», – сказала вечером Соня, сделав очень испуганный и напряженный вид. И прежде, чем мама сделала попытку пойти на кухню за таблеткой, изменившись в лице и начав волноваться, добавила: «У меня кровь... там». Мама замерла. Постепенно уголки ее губ расплылись в улыбке. «Ну... значит, ты у нас становишься женщиной». Мама постояла немного, то ли ожидая реакции Сони, то ли не зная, что еще сказать, и ушла.

«Женщиной...» – повторила про себя Соня, прислонившись плечом к стене коридора. «Что это значит? Что ей теперь нужно делать? Что, прежде всего, делать с кровью?..» Вернулась мама с кусками марли и ваты. Соня посмотрела на все это, недоверчиво

поежила и выдавила: «А... прокладка?» Мама устало и раздраженно ответила, что уже поздно, и все магазины закрыты. «Но как я пойду завтра в школу?.. можно я не пойду?» – почти умоляюще, с ужасом пробормотала Соня. «Нет, школу пропускать нельзя. Это не повод – это просто естественный процесс», – тон мамы не предполагал возражений, и Соня со звенящей от напряжения головой стала учиться сворачивать марлю и вату в некое подобие прокладки.

Утро. Боль в животе никуда не ушла, а только усилилась. Кровь. Дорога к метро. Боль. Уроки. Кровь. Тошнота. Страшно встать, страшно выйти из класса. Страшно идти в столовую. Страшно дышать. А вдруг кто-то заметит? Соня еле дотянула до урока литературы, а потом не выдержала и подошла к учительнице, которой она особенно доверяла. «Я очень плохо себя чувствую», – выдавила из себя Соня. «Можно я пойду домой?..» Учительница внимательно и пристально смотрела на Соню в течение нескольких секунд и вдруг отпустила ее с урока. «Я не хочу быть женщиной», – подумала Соня по пути домой.

Детям было почти по 18. «Это самый правильный возраст», – твердо решила Соня. «Еще три месяца, и мне будет 18. Я хочу попробовать секс».

Мальчик крепко обнял Соню, держась за поручень в салоне автобуса. Голова мгновенно закружилась, сидения вместе с пассажирами растаяли в разноцветном мареве, расплывшемся перед закрытыми глазами. Близкое тепло чужих губхватило мысли в тугую пучок и бросило всю эту связку безвольно трепыхаться где-то в сторонке. Непонятно, сколько прошло времени под равномерное покачивание автобуса. Дети летали в своем уютном маленьком мирке, вспыхнувшем вокруг от соприкосновения губ.

«Эй! Вы там что, уснули?!» – резко ворвался голос кондуктора. Дети вздрогнули. Люди вокруг пристально и не очень одобрительно смотрели на них. Мальчик улыбнулся, и, дождавшись ближайшей остановки, выпрыгнул из автобуса, подхватив девочку.

Дома мальчик долго жарил пельмени и добавлял в них правы. Соня никогда не пробовала такого и удивилась, что полу-

чилось вкусно. Легкость движений мальчика, легкость летнего вечера, ощущение воды и солнечных лучей на берегу озер, где дети купались всего несколько часов назад, – все это создало едва ощутимое дуновение праздника.

Соня долго ждала, когда же она все-таки почувствует себя женщиной. Пальцы мальчика долго и довольно неуверенно нащупывали что-то внутри ее живота. Пару раз она почувствовала резкую боль. Лежа на диване и смотря в потолок, Соня ждала, когда все это закончится, и она сможет побыть одна и понаблюдать за новыми ощущениями, которые, по ее мнению, должны были теперь поселиться в теле. Боль. «Вот теперь точно все», – Соня посмотрела на мальчика. На его пальцах была кровь. «Да, все».

По дороге в ванную девочка изучала стены коридора. В животе отзвуками эхо плавала напряженная пустота. Девочка включила воду и несколько минут смотрела на разлетавшиеся в сторону брызги.

Мальчик посадил ее на стол. Соня посмотрела на свое отражение в большом зеркале, висевшем на стене справа. Полумрак от задернутых штор и быстрые движения мальчика словно сделали контуры ее собственного тела ярче. Она вся светилась и не могла оторвать взгляд от своего отражения. Потом мальчик расслабился и лег на диван. Соня продолжала сидеть на столе. Тело молчало. В комнате было пусто. Сердце Сони молчало. Через какое-то время она попросила мальчика попробовать снова. И снова пустота и тишина. Она попросила его уйти.

Соня давно не танцевала. Она сидела в темной комнате чужого города перед пылающим камином. Языки пламени прыгали по поленьям, которые похрустывали в такт задорной, давно любимой, мелодии, вдруг включившейся в голове. Порывы холодного ветра за окном проносились шорохами по пустой спальне на втором этаже.

Соня встала, включила свет, положила в сумку летние туфли и вышла на улицу. Музыка играла внутри нее все громче. Мысли летали по освещенным свечами и украшенным цветами балетным залам. Большой черный лоснящийся рояль и зеркальные стены с золотой оторочкой оставляли привкус теплого летнего вечера.

Просторный бар в центре города был наполнен ритмами солнечного континента. Люди кружились, смеялись, учились делать танцевальные фигуры. Музыка неслась, пела, разговаривала с замершим сердцем. Соня надела туфли и вышла в зал. Она попробовала, как прежде, броситься навстречу танцу, но тело ответило ноющей болью в желудке. Соня резко сбавила темп, неуклюже доделала начатую фигуру и остановилась. Люди вокруг засмеялись и кто-то, похлопав ее по плечу, сказал, что все сразу не получится, и нужно учиться танцевать шаг за шагом.

Перед глазами Сони пронеслась огромная, со всех сторон освещенная сцена. Девочки в желтых костюмах, обтягивающих упругие натренированные тела. Огромный зал, заполненный танцорами со всех уголков мира. Нервы, сжатые в пружину, и первые такты музыкального вступления. Все тело зазвенело, и время остановилось. Крики зрителей стихли и исчезли. Остался только необъятный пол и ноги танцующих рядом девочек, которые должны, мгновенно реагируя на музыкальные доли, выстраивать четкие диагонали и горизонтالي. Секунды – резкие движения руками, секунды – ритм, волнами пробегающий по телу. Еще несколько секунд, последние две восьмерки, последние такты на максимальной отдаче. Тело устало. В глазах начало темнеть. Задержка дыхания. Музыка стихла, аплодисменты стихли. Кулисы, гримерка. Кашель. Кашель словно разорвал все внутренности Сони. Все стало кашлем. «Я дотанцевала!» – стучало в висках Сони. «Я сделала это!»

На полке лежали балетки. Соня попросила продавщицу принести такие же. Прочная черная ткань, тонкие резиночки затягивающихся спереди шнурочков и две более толстые резинки-перепоночки по бокам. Соня надела балетку на левую ногу. По сердцу пробежала горячая волна бережного восторга. «Беру», – сказала Соня. Она подождала, пока продавщица вынет из аппарата банковскую карту, и вышла в город, где стены дворцов увешаны зеркалаами и электрическими свечами.

NOBEL PRIZE

One evening Lory had a chance to listen to one of those whom they call 'legendary people' – a Nobel prize winner. The large conference hall was full, and parents tried to hush their children to preserve the silence of respect. The old man was speaking with a noticeable effort. His voice filled Lory with memories.

Lory saw herself on her little saddle adjusted to the frame of the bicycle. She felt the hot father's breath and the chill of the baffling wind. A sudden fear ran through her body followed by a calm sense of honored responsibility. Lory grasped the wheel with her little hands while her father's hands froze in the air a few centimeters from grips.

Then Lory recalled all that screaming and agony when her brain – for the hundredth time – showed to her father nothing but a blank screen at the words "Theorem of the three perpendiculars". Her memory reflected those endless nights filled with a sound of father's fingers tapping on the keyboard to form vital and precise scientific sentences while leaving the blurred uncertainty as a value of his daughters' age variables. And she recalled all those before-going-to-sleep fairy-tales – much more interesting than dreams.

The next memory made Lory feel her own and her sister's anxiety – her father was not able to calm them both down on a late winter evening while mother was far away interpreting somebody's vital and precise words in a large illuminated hall. After that Lory saw her father adjusting bars of timber to a log hut that would soon become a sauna for a summer house on the verge of a forest where all four women of her family would enjoy the freshness of July evenings.

Some memories are kept locked purposefully or unconsciously. They lie as a pile of blank pages covered with invisible writing. One of

the pages has a single paragraph. It contains a drop of a sudden horror bottled in the father's beer can on the table of Lory's apartment where she escaped from the loud and delirious nights and days by the side of a desperate drunk person in a desperate drunk country of the time. These memories wait until the sound of bell-ringing would break the silence of the deserted light blue church standing somewhere nearby. Then one day the whole family would talk once again through the Skype separated by the distances of various parts of the world...

Lory leaves the large room where the Nobel prize winner stands, silently closes the door behind herself. She continues walking slowly towards the entrance watching clear mental images of her father on the stage of the large illuminated conference hall. And parents somewhere in the audience try to hush their children to preserve the silence of respect.

ПЕСНЯ 7 – СВЕТ

В зале католической церкви на мгновение повисла тишина. Саше даже показалось, что она услышала взмах дирижерской палочки. Первыми вступили скрипки. Их тонкие нежные голоса отражались от высокого потолка и брызгами падали на белоснежные колонны и головы притаившихся зрителей. Сердце вздрогнуло и забилося чаще. Полились виолончели, задрожал барабан, а дирижерская палочка продолжала без устали порхать над ожившим оркестром.

Зал наполнила музыка. Легким потоком она привычно погрузила людей в светлое ожидание и трепет. Саша всегда закрывала глаза в эти мгновения. Глубокий выдох. Усталость и мысли остались далеко за порогом, в метели зимнего вечера. Тепло растеклось по телу. На земле осталась только музыка. По позвоночнику, в такт, забегали маленькие электрические змейки, отзываясь мурашками на коже. Золотистые искорки и внезапные разноцветные вспышки перед глазами. Сознание взметнулось вверх, к самому основанию колонн, и принялось летать над залом в переливающихся потоках звуков.

Внезапно тело напряглось, и вверх по позвоночнику пробежал широкий и сильный электрический разряд. Волна ударила в голову, дыхание ошеломленно замерло под ее напором, и все внутреннее пространство мгновенно расширилось, окутав собой и церковь и плавающую в ней музыку. Резкое ощущение огромной, не испытанной никогда прежде, спокойной силы и восторженного возбуждения. Мощный столп света прорвался сквозь тело. Не выдержав напряжения, Саша сделала вдох, и на выдохе внутренняя тишина снова наполнилась окружающими звуками. Концерт продолжался. Саша чуть ниже спустилась по сидению стула и вытянула вперед ноги. В ушах и в теле звенело. Она посмотрела на свои руки, и ей показалось, что вокруг, прямо над кожей, плавал свет.

На балконе стояла раскладушка. Был вечер, и на темном летнем небе уже зажглись первые звезды. Одеядо за три дня покрылось легким налетом пыли, налетевшей с улицы. Саша закрыла

глаза. «Попробую снова уснуть. Не уйду отсюда, пока не почувствую этот свет». Где-то внутри тела была боль. Саша нащупала ее взглядом и погрузилась в вереницу воспоминаний.

Сонное, уставшее сознание постепенно заволокло туманом. Сквозь дрему, напряженное ожидание и полуоткрытые веки на небе проступила одна, удивительно яркая звезда. Она манила, переливалась и незаметно успокаивала.

«Звезда, побудь со мной», – прошептала Саша. Секунды, минуты, десятки минут. Ночь. Монотонный голос соседей сверху, гул голосов, тревога, злость. Тело одеревенело и застыло. И только звезда, звезда словно перед самыми глазами. Ее тепло льется в голову, льется в грудь, льется в сердце...

Резкая вспышка. Все тело, каждая клетка и мускул выдохнули, и мягкое, блаженное расслабление растеклось по внутренностям. Саша широко открыла глаза и с невероятным трепетом посмотрела на звезду. Немного помедлив, Саша встала, слегка пошатываясь, открыла балконную дверь и вошла внутрь комнаты. Свет был повсюду, он наполнил пол, висевшую на сушилке одежду, мягко покачивающиеся от ночного легкого ветра шторы.

Саша посмотрела на свои руки. Свет снова был здесь. Он покрыл собой даже маленький комоч свернувшейся где-то в желудке боли. Саша устало и счастливо улыбнулась, присев на краешек дивана. «Хочу на море», – сказала она самой себе.

Снег на верхушках елей. Большие вязкие сугробы и пролетающие мимо лыжники. Устало и спокойно. Справа, вверх по холму – белая холодная дорога, испещренная обломками веточек и следов всех форматов. Ряды снеговиков, то подтаявших, то еще совсем крепеньких. Избушка на вершине холма и озеро, окаймленное поворотом железной дороги. Идти быстро больше не хочется. Снег хрустит и облепляет ботинки. Морозный воздух щекочет ноздри. Лес словно утонул в тонком аромате зимнего блаженства.

А в доме – тягостное ожидание, сдержанное недовольство и напряжение. Люди сидят, ходят, едят, лежат, и нет конца минутам и торопливому пощелкиванию секундной стрелки. Дни идут, часы проходят, люди проживают отведенное им время, захваченные отчаянной надеждой обрести в душе потерянный свет.

Тишина. Саша лежит на устланном гимнастическими матами полу. Голову раздрает от невыносимо ярких картинок людей, убивающих друг друга, раздрающих в клочья свои человеческие тела. Темная, вязкая кровь и обрывки внутренностей покрывают мысленное поле сражений. Саша резко открывает глаза. Простая и ясная мысль озаряет ее: «Я могу встать и уйти. Взять чемодан и вообще уйти из этого дома». Перед глазами проносится очень похожая ситуация. «Значит, и действовать будем так же». Любимая считалочка на «эники-бэники». Выпало оставаться. Пара секунд недовольного сопротивления. Но раз хочется непременно идти... то можно ведь просто в спальню на второй этаж. Кровать. Плеер. Уши заполняет сладостная эротично-протяжная и обволакивающая бразильская мелодия. Она течет по венам, она проникает в голову и в тело, она течет за пределы комнаты в блаженство зимнего леса.

Если музыке суждено стать частью вашей жизни, то однажды тишина зазвонит от тонкого, едва уловимого золотого звука. Он войдет в вас, пронзит давно привычную боль в правом виске и вдруг отзовется долгожданной волной счастья. А потом вы сядете на гимнастический мат в большом освещенном зале и увидите перед собой высокую фигуру человека в белом. Слушая мелодию его слов, вы с удивлением обнаружите, что древняя сила действительно способна сотворить новую реальность прямо из звуков. Чистота сознания ослепит вас и вздрогнет хрустальными отзвуками. Ресницы закрытых глаз задрожат от частого моргания зрачков, пространство расширится, и прямо в нем развернется пурпурный звездный туннель, с полупроницаемыми, облачными стенками. Вы будете падать вниз со все нарастающей скоростью. И вдруг время остановится, движение остановится, цвет остановится – все остановится. Остановится, замрет, и, выждав, несколько мгновений, вспыхнет случайная плазменная искра, и распухнет огненным цветком, порождая жизнь. Еще мгновение, и ядерный взрыв схлопнет это пространство с раскаленным морем сознания.

Волны, волны, волны... Одна за другой, теплые и солнечные, они текут внутри сознания, пронизывая тело, проплывая насквозь и дальше в необъятные, искрящиеся просторы.

«А вот и море», – подумала Саша, накрываясь одеялом и блаженно закрывая глаза.

ПЕСНЯ 8 – МОРЕ

Вся форма была заполнена, и оставалось только нажать серую кнопку «Отправить». Регистрация на конференцию почти закончилась. Еще несколько дней, и шанс будет упущен. Сабрина в который раз тщательно проверила содержимое каждого поля в надежде, что какое-нибудь из них укажет на правильный выбор. Но четкие отпечатки слов только молча отражали уже известные ей факты и цифры.

От моря Барселоны Сабрину отделял заполненный буквами белый лист. Она вдруг поняла, что за последние два дня изучила даже элементы дизайна этого сайта, привычно оценила удобство интерфейса, цветовую гамму и формулировки вопросов пресловутой анкеты.

Импульс к действию возник сам собой. Что-то мягко подтолкнуло изнутри, и ясное радостное ощущение заполнило мысли. Это значило только одно: «Барселона будет».

Ручка небольшого черного чемодана немного натерла пальцы. Сабрина долго шла пешком по запыленному и веящему жаром асфальту, погруженному в зелень парков. Она любила длинные прогулки вдоль незнакомых улиц под внезапно появляющиеся и так же быстро исчезающие звуки чужого языка.

Чемодан с трудом удалось втащить вверх по узкой темной лестнице. Дверь открыла хозяйка – задорная молодая девушка, энергично объяснившая, что к чему, довольная появлению новой квартирантки и более всего озабоченная своей поездкой в ближайшие дни в пригород к своему бойфренду.

Вечер наступил тихо, жара спала. Наскоро разложив вещи и приняв душ, Сабрина открыла ноутбук и села за работу. В процессе усталость перелета постепенно растворилась, и через пару часов Сабрина уже бережно рассматривала страничку конференции с расписанием мероприятий на всю следующую неделю.

Вокруг плавал тонкий аромат зажженной свечки. В комнате, еще совсем не знакомой и странной своим отжившим веком шкафом и наскоро расставленной мебелью, внезапно появился уют.

Взгляд Сабрины упал на лежавшую на столе канцелярскую кюветку. Неожиданно рассмеявшись, она схватила из раскрытого рядом чемодана брошюру с картой Барселоны. В нетерпении оглядевшись вокруг, Сабрина удивленно заметила стоящую в углу офисную доску с пористым материалом на внешней стороне. И через несколько минут доска и торжественно прикрепленная к ней карта уже находились на столе у самой кровати.

«Спокойной ночи, Рина», – сказала Сабрина самой себе, оказавшись под тонкой простыней и вжимаясь уставшей головой в небольшую подушку. На стене напротив мягко колыхались тени, взбудораженные свечей и теплым сквозняком.

Аудитория была заполнена. Проплывали слайды с расплывающимися по листам математическими значками и кривыми, уходящими в бескрайние дали, подпрыгивая и проваливаясь вслед невидимым законам. Ниточки слов, отражавшие тонкие движения человеческой души, препарировались и комбинировались в новые цепочки. Затаив дыхание, люди следили за напряженным бегом мыслей сменявших друг друга у белой доски докладчиков.

Волны спокойного восторга неслышно поднимались в такт новым изгибам графиков. Плавная, почти вальсовая, смена концепций, тем, понятий и алгоритмов кружила Сабрине голову. Голоса, звучавшие над напряженно слушающими зрителями, время от времени оставляли в ее сердце глубокие и тонкие следы.

Шум финальных аплодисментов резко отключил ментальные картины обсуждаемых явлений, и взгляд Сабрины упал на титульный лист брошюры с программой конференции. Среди четкого ряда цифр и букв, старательно расставленных на бумаге, закралась зловредная опечатка. Сабрина бережно взяла сложенный книжечкой листок и едва сдержалась, чтобы не прижать его к груди во внезапном порыве нежности.

Люди выходили из успешных статей душными аудиториями и устремлялись вверх по лестнице. Гул обсуждавших увиденное и услышанное растворялся в шуме машин на открытой террасе верхнего этажа. Полуденная Барселона пахнула на Сабрину сво-

им солнечным жаром. Взяв стакан воды с устланного белоснежной скатертью столика, она подошла к краю ограждения и заглянула через него на стройную улицу, оживленно текущую сквозь ряды машин и струйки прохожих.

Подошла темноволосая худощавая девушка и, мимолетно окинув взглядом улицу, попыталась затеять серьезный разговор. Сабрина не смогла сдерживать улыбку. Вопросы проскальзывали сквозь ее сознание и растворялись в спокойном и радостном ощущении полноты. Девушка неудовлетворенно отошла, и ее место занял молодой профессор. Он, быстро прояснив обстановку, начал активно приглашать Сабрину на лекции другой тематической группы, которые должны были начаться после ланча. Улыбка снова скользнула по лицу Сабрины, и, мягко попрощавшись, Сабрина поставила пустой бокал на стоявший справа от нее столик и пошла к лестнице.

Вокруг белой магнитной доски столы стояли полукругом. Сабрина прошла немного вперед и остановилась рядом с молодым человеком, сидевшим к ней в полоборота и что-то обсуждавшим с людьми за соседним столом. Она отодвинула стул, поставила сумку, медленно, словно восстанавливая дыхание, достала блокнот и раскрыла его на странице, на которой остановилась на предыдущем докладе.

Голоса вокруг стихли. Поились слайды. Мягкая волна накрыла Сабрину с ног до головы и укутала плотной пеленой. Фокусированное внимание обхватило ее и надписи на доске. Немного помедлив, однако, оно чуть расширилось и плавно включило в свой кокон и сидевшего рядом молодого человека. Тот спокойно прицеливался к своему планшету съемную клавиатуру. Его пальцы на мгновение замерли в воздухе над клавишами и снова опустились на поверхность стола.

– Здравствуй, Рина, – тихо произнес молодой человек, глядя в экран планшета, и слегка задерживая дыхание.

– Жан... Как дела? – так же тихо выдохнула Сабрина.

– Я очень рад снова тебя видеть...

Внутри пробежал теплый трепет, и Сабрина мысленно уткнулась носом в отголоски фразы, произнесенной своим соседом.

Полнота будто расплылась еще шире и заполнила собой все, что могло существовать и даже только готовилось проявиться в существовании. Подъемы и падения кривых на белой доске вдруг вспыхнули и засветились изнутри четкой красочностью логики. Вся дальнейшая лекция для Сабрины прошла на выдохе слова «видеть».

Аплодисменты. Сабрина молча встала, собрала вещи. Жан аккуратно сложил планшет и вышел из-за стола. В непродолжительном спокойном взгляде, который на мгновение связал их между собой, пролилась глубоко скрываемая нежность.

– Увидимся, Жан! – сказала Сабрина и направилась в сторону коридора.

Сабрина шла наощупь вдоль тонких линий улиц google-карты. Терпеливая голубая стрелка мерно пульсировала, высчитывая координаты. В памяти стояли волнообразные изгибы графиков, перетекающие в изогнутые формы стен только что увиденного дома Гауди и стремительно спадающие прямо в долгожданную соленую пену где-то совсем близко распростертого моря. В вечернем воздухе стоял запах цветов, кофе и хлебобулочных изделий. В многочисленных кафе группы людей оживленно или молчаливо заполняли пространство вокруг уютных столиков.

Море ворвалось внезапно, преградив путь старательно спланированным острым линиям прибрежных домов. пляж был практически пуст, и вечерняя прохлада сквозила в мерном дыхании волн.

Сабрина села на песок слегка выгнувшегося небольшими холмами берега. Море услышало ее глубокий выдох и зашумело в унисон с беззвучным смехом ее улыбки под опущенными ресницами уставших глаз.

– Рина!

– Жан...

Белая дверь, темное покрывало, высокий потолок, ажурный балкон, увитый плющом, теплый ночной воздух.

– Помнишь, ты написала класс «Любовь», когда пыталась в коде найти ей свое определение?

– Исходный вариант был лаконичен, но синтаксически некорректен. Я написала после этого еще несколько вариантов.

– Можно оптимизировать и последнюю версию.

Полумрак. Высокое окно почти под потолком. Тонкий запах туалетной воды. Безмолвие лета.

– Можно написать еще меньше слов.

Выдох.

– Меньше слов – это их отсутствие...

Сабрина завязала шнурки своих черных кроссовок и бережно провела по носикам влажным платочком, чтобы сбросить осевшую на них вчера южную городскую пыль. Когда она оказалась в парке, было еще по-утреннему свежо и удивительно легко среди зелени и цветов.

Бег привычно погрузил Сабрину во внутреннее пространство, безмолвное и ясное. Был последний день конференции, и накопившаяся усталость сбрасывалась от монотонной работы мышц. Сабрина вспомнила, как перед выходом из дома она прощалась с уезжавшей в пригород хозяйкой. Что-то очень понравилось Сабрине в легкости жестикуляции и мимики этой каталонской девушки. Певучая радость была в быстрых словах и красота в то и дело мелькавших испанских словах.

Вернувшись домой, Сабрина медленно собрала чемодан и особенно трепетно уложила в него свой учебник испанского. Когда она выходила из квартиры по все той же узкой темной лестнице, ей захотелось вернуться сюда снова и остаться на несколько месяцев. В такси водитель долго рассказывал о людях Испании, о городе. Понимая его, но отвечая редко и по-английски, Сабрина не вовлекалась в разговор, а просто позволила водителю отвести душу.

Заключительные лекции оставили у Сабрины легкую грусть прощания. В обсуждаемые темы закрался оттенок завершения

и ожидания начала следующего за конференцией нового периода кропотливой работы.

Ближе к вечеру Сабрина снова оказалась у моря. Ночной самолет оставил ей достаточно времени на еще одно свидание с городом и соленой водой, набегавшей на песчаный пляж. Сев на берегу рядом с высоким ажурным фонарем, Сабрина открыла распечатку статьи и погрузилась в чтение. Соленый воздух глубоко очищал сознание и приносил пахучую свежесть морских глубин. Солнце медленно погружалось за тонкую линию, отделявшую голубую гладь неба от сине-зеленых легких моря, вздыхающего о чем-то своем.

Начало темнеть, и буквы все быстрее стали опускаться в полумрак сгущавшихся сумерек. Сабрина на мгновение прикрыла глаза и задумчиво включила светящийся экран планшета. Она зашла на страничку социальной сети и почти с детским восторгом нажала на кнопку создания нового опроса. Немного помедлив, она легкими касаниями по клавиатуре сенсорного экрана набрала только что родившийся вопрос: «А вы любите читать у моря?..»

IMAGINATION

I am holding a pocket flashlight, and the fingertips of my right hand have slightly frozen up. The shaky sharp light tears out sparkles of snow that covers each and every inch of huge pine trees. A narrow pathway crossed by trunks of the fallen trees, animals' traces and tracks laid by the skiers lead deep into the middle of the winter forest. I try to breathe shortly but make a bit longer exhalations as the bitterly cold air – little by little – is carrying out the heat out of the body.

There are two other people nearby. Surrounded by the slight noise of our own chatting we instinctively perceive all that ringing silence a few steps away to the depths of the forest.

'Please hold the flashlight as my hands are getting frozen', the sound of my voice makes a bird to fly up and drop off some snow from pine needles. I laugh quietly enjoying the sensation of gathering all fingers back together in a fist and start breathing out forcefully to warm them up.

'This way', says our guide who happens to know this forest even better than wild animals who inhabit it, and for some time we are walking in silence.

The next thing I find myself doing is asking my companions to pick up a few shrubs of lingonberry from under the snow. I feel astonished as the idea is forming in my mind to brew a lingonberry-infused tea directly from these fresh shrubs. Probably, it is a conversation about producing tea we had a couple of hours ago, or a discussion about the importance of knowing Latin terms for particular herbs. But the imagination has suddenly combined the words and the shrubs at hand. Some kind of electricity has thrust through my soul, fueled the heart and fired up the sparkles inside my eyes. I am standing in the middle of the forest hearing two people asking me about lingonberry and its properties. I close my eyes and concentrate on the melody of the voice of my companions. The meaning is disappearing and somewhere inside I feel the emptiness of creation opening up – vibrant and alive.

When major changes happen, they come unnoticed till the very last moment. You may spot them while walking along the crowded Christmas-decorated avenue of the big city. Some second just breaks the ordinary endless flow of thoughts, and people you come across may bring a flavor of lingonberries into your life and the cold spirit of the winter forest.

‘Should we return back home now?’, the voice rises this question in such a confirmative manner that nobody will question the decision.

I am walking back home and thinking about the bunch of shrubs we are bringing to the Christmas table. It all looks like a game of chance: the exceptionally cold winter, downhill ski pants, the frozen forest, words of Latin, and the morning Christmas service on the radio.

A few hours later I am lying in the armchair staring at the ever-changing golden flames that jump and dance in the fireplace, and drinking a strong lingonberry brew. The time has stopped for some in- and out-breaths tailed away in the frost of a high starry sky shining through the large windows of the wooden house.

‘How is the tea? Do you still feel cold?’

‘Well, no – it’s all perfect now, thank you’, I hear myself answering almost asleep and all at once I sense that these moments will become a memory at any tick of the clock. This sharp thought makes my brain shudder and creates a very clear picture of three people around the Christmas table and a room filled with the invisible flavor of the winter lingonberry.

ПЕСНЯ 9 – ЗВОНОК В ДВЕРЬ

Лори выпала из сна. В ванной еле слышно падали на дно струи душа. «Он вернулся раньше», – вскрикнуло сердце. В кровати стало нестерпимо жарко от волнения. Лори аккуратно, боясь вздохнуть и спугнуть звуки воды, спустила ноги на пол. Замерла – ей действительно не послышалось. Она встала, бесшумно открыла дверь комнаты, прошла на цыпочках до ванной и заглянула в чуть приоткрытую щелку двери. Вещи Нью лежали на стиральной машине. Голова закружилась, и Лори стремительно бросилась назад под одеяло.

«Он здесь, он здесь», – стучало в висках. Томительные недели ожидания сорвались в радостное нетерпение. Шум воды еще некоторое время барабанил по напрягшимся нервам. И вдруг стих. Лори спрятала голову в подушку, чтобы не было видно, как счастливая улыбка захватила все ее лицо. Нью осторожно прошел в комнату, зная, как усмирить все скрипы требовавшей ремонта двери. Он немного помедлил и, осторожно приподняв одеяло, оказался рядом. Повисли секунды тянущего молчания. Выждав еще, Лори аккуратно расправила подобранные под себя ноги и сонно перевернулась на другой бок, оказавшись лицом к Нью. Став одной сплошной улыбкой и приоткрыв глаза, она мягко положила руки на грудь лежавшего на спине мужа. Он молниеносно вздрогнул, сжал ее ладони, и почти забытое ощущение его тепла разлилось по всем клеткам Лори.

Разлуки и встречи разбросаны по канве памяти почти случайно. Они хаотично мерцают в пустоте окружающего пространства. Но всегда есть детали, которые спустя много лет продолжают вспыхивать чаще других и обжигать всей объемностью зафиксированного в момент их регистрации состояния органов чувств. Они отличаются необычайной резкостью и проматываются с бешеной скоростью, заглушая своими полутонами все остальные мысли.

Лори подумала, что небольшие уютные дома изумрудного острова, который на время стал ее домом, тоже когда-нибудь превратятся в наборы пикселей на экране монитора или в разноц-

ветные чернила на поверхности глянцевой бумаги. Приподняв голову, Лори посмотрела на спокойно отдыхавшие среди долины холмы, занимавшие большую часть ее окна. Она почувствовала дождевой привкус их зелени и мягкую радостную грусть ожидания. В полуоткрытое окно влетел прохладный морской воздух. Вдохнув полной грудью, Лори откинула одеяло, окунувшись в приятную свежесть почти летнего утра.

Спустившись в кухню и раздвинув двери во внутренний садик, Лори нажала на кнопку послушно зашумевшего в ответ чайника. Через несколько минут мятный чайный аромат поплыл над деревом обеденного стола, погрузив Лори в легкую задумчивость. Полуприкрыв глаза, она некоторое время с наслаждением смотрела на мимолетные золотые солнечные следы на бархате газона.

Перед выходом из дома, напомнив себе не забыть включить сигнализацию, Лори машинально проверила шины своего синего велосипеда, купленного некоторое время назад у спешно продававшего его итальянца.

Невысокое аккуратное здание института показалось за каменной стеной с вмонтированными в нее ажурными воротами. Группы людей, разбросанные тут и там по дорожкам и газонам, жили в ритмичном оживлении открытого всем ветрам острова. Пройдя мимо невысоких административных зданий по аккуратно выложенной плиткой дороге, Лори привычно подождала, пока откроется плотная автоматическая дверь из толстого стекла.

Внутри стояла знакомая прохлада. Забежав в кафе и стараясь сегодня побыстрее проскользнуть мимо здоровавшихся и приветливо улыбавшихся людей, Лори прошла через коридор и вышла с другой стороны здания. Завернув за угол, она достала ключи и открыла дверь в лабораторное помещение.

Жалюзи были полуприкрыты, и солнце дорожками расчертило пол просторной комнаты. Шум компьютеров напоминал какую-то своеобразную мелодию, бесконечно и монотонно исполняемую в унисон с жужжанием кулеров. Цветок на столе Лори потихоньку начал распускаться ярко-красным хороводом лепестков.

Никого из других студентов еще не было. Лори поставила на стол купленный при входе чай и развернула любимый шоколадный маффин. Откусив кусочек с маленьким кубиком шоколада, которым была украшена верхушка маффина, она включила экран монитора и удостоверилась, что запущенная вчера программа благополучно продолжает сбор данных.

В аудитории почти не было свободных мест. Лабораторная уже началась, и студенты напряженно сидели за своими мониторами. Прохаживаясь по рядам и ожидая неминуемых вопросов, Лори думала о голубом деревянном домике, затерявшемся среди соснового леса. Там, в зелени смородины, слегка покачивался веревочный гамак, и черный кот с белой грудкой все норовил забраться на колени.

– Почему-то не могу передать параметр в эту функцию, – голос мужчины за столом, мимо которого проходила Лори, заставил ее вздрогнуть. Прерванная кинолента воспоминаний отпрыгнула в сторону и свернулась черно-белым клубком. Остановившись, и произнеся привычное «давай посмотрим», Лори невольно улыбнулась – этот вертлявый мужчина, лет за 40, с растрепанными темными волосами и неумной жадой знаний, путал все на свете. Он переставлял местами логически связанные куски кода, перепрыгивал с одного понятия на другое и непрерывно старался выяснить, какие техники самые современные и необычные. Лори любила таких студентов. Они делали невероятную кучу ошибок и все могли превратить в забавную шутку.

– Ты забыл написать тип переменной в списке параметров, – Лори указала на строку, подчеркнутую красным, как в школьной тетрадке. Мужчина на пике эмоций хлопнул себя по лбу и с досадой произнес свое излюбленное: «Как же я не заметил! Спасибо!»

Лори тихо выдохнула и пошла в другой конец комнаты. Присев на стул, она какое-то время наблюдала за классом. Обычно на такое большое количество людей ассистентов преподавателя было двое, но сегодня Лори оказалась одна. «Из сорока человек

всего две-три женщины». – подумала она. – «Кем, интересно, после окончания института пойдет работать большинство этих мужчин? Из всей группы всего несколько человек действительно могли бы заняться написанием кода».

Через пару часов вопросы стихли, и комната зашумела отодвигаемыми стульями. Лори почувствовала себя немного уставшей. Она вышла в длинный коридор и медленно спустилась вниз по расположенной совсем рядом лестнице с цветными перилами.

В чате скайпа было тихо и пусто. Лори смотрела на белое пространство чата и невольно пыталась придумать, как передать весь спектр эмоций собеседнику. Обычные смайлики почти всегда оказывались бесполезны. Как часто она говорила Нью о таких сокровенных для нее вещах, а набранный текст стирал эмоции, перековеркав весь смысл.

Расстояние оставляет между людьми замороженные слепки друг друга. Отпечатавшись в памяти, они оживают в изобретательных находках вездесущего ума. Можно долго «не замечать» отсутствия реального персонажа в увлекательной игре, подпитанной обрывками слов в письмах и чатах или произнесенных голосом в телефонную трубку.

Чат вспыхнул строкой текста. Чувство яростной нежности иголками воткнулось в Лори.

– Ласточка моя, любимый мой, – закричали пальцы Лори. – Я так соскучилась по твоим рукам... Я скучаю по нашим бесконечным разговорам о том, как все должно быть устроено во Вселенной, о том, как все будет в нашей жизни. Я хочу нарисовать с тобой еще один план нашего будущего участка и нашего дома.

Чат отвечал длинными теплыми предложениями.

– Милый мой, любимый, я совсем обезумела от тоски, от отсутствия твоих рук и глаз, твоих бесконечных обещаний и планов, твоих изобретений и идей. Я снова хочу часами делать друг другу массаж. Я хочу кататься с тобой на велосипедах, ездить на дачу, за-

бывать о сне в закоулках кода, кататься на роликах, готовить тебе пироги, читать гороскопы и бредить о невероятных далях и других языках.

В скайпе рассыпались смайлики и многоточия. В вакууме ума, лишенном возможности обрабатывать прикосновения, переваривались эмоции. Пережевывались и плавилась в слова.

– Я мечтаю о том, что эти годы без тебя окажутся страшным сном, и однажды я проснусь, и ты, и наш черный кот снова будете рядом, и ты будешь гладить его по черной шкурке, а он будет мурчать и вытягивать лапки, показывая когти...

– Кот умер 30 декабря, – сказала Лори в трубку.

– Это ничего, – чуть помедлив ответил Нью.

– Как у тебя дела?

– Все хорошо. Я женился.

– Это хорошо. И у меня все хорошо. Я не вышла замуж – уехала, когда он сделал мне предложение. Я дома.

В родном городе стояло лето. Лори зашла в квартиру. Она опустилась на пол и попыталась мысленно всем телом опереться на него. Дрожь и тошнота не прекращались. Сознание сжалось в маленькую светящуюся точку. Вокруг оказалась полная непроглядная тьма. Казалось, одно движение, и точка погаснет совсем. Ничто окружило холодным безумием отсутствия. Оно подступило к самому горлу, сдавив черной хваткой неизбежности.

Еще несколько минут назад, передвигая ноги по разгоряченному асфальту, Лори больше не видела того, что впереди. Но здесь, в этой квартире, куда она рвалась столько ночей, жила... любовь. Оставленная и свято хранимая, она спокойно колыхалась среди складок тюля на окнах и струилась вдоль линолеума коридора. Лежа на полу, окруженная со всех сторон пропастями мрака, Лори вдруг вдохнула одну из золотых

струй. Пульсирующая точка сознания нерешительным тонким стебельком потянулась через темноту вслед за взбудораженными брызгами. Лори резко села. В сердце мягким теплом затрепетали распускающиеся лепестки.

– Сейчас я встану и больше не буду ждать звонка в дверь, – подумала Лори. В ответ она услышала раскаты грома и шум налетевшего дождя.

TWIN

Lory thought that sometimes graphs may seem too abstract: long sequences of interrelated numbers or small arrowed boxes with concise labels. But the whole thing of constant connection creation is what mattered to her. New emerging nodes of real-world networks, usually visualized with graphs, appear out of nowhere spreading around intensive light waves. Lory almost physically felt how they materialize, form links and eventually start vibrating with the rest of the network.

Most of the physics described in the book she was reading were beyond her reach. Integrals largely looked like knitted exquisite patterns on the white canvas of the page. Her first coursework in computational linguistics brought up questions of “why”. Why at all graphs? Why do some objects fire up more passion than other? Why do we need this 2D-representation and description instead of directly experiencing the formation of the network?

Lory spent a couple more hours analyzing the patterns in order to find some regularity and meaning. They were still vague. In the meantime, the room plunged in twilight. Lory stood up, lit up a candle to make herself cozy and continued reading.

Sooner or later kids start bother about the idea of meeting their own selves. Some of them dream of having a twin-sibling, others find touchier to commence their search of a charming person of the opposite sex – the image discovered in favorite fairy-tales and cartoons – some dream about their own future kids. Such figure – perfectly mirroring their best qualities – would allow them a non-stop play.

Lory shifted her glaze to professor Vak who was silently and unusually slowly writing a new line of equations on the whiteboard. He looked a bit puzzled lacking some ordinary level of energy. Suddenly he paused and turned around to face the group.

– Actually I am not an expert in this particular field, – started he slowly. – The person who usually teaches the course is not able to, – students looked at him in surprise. – I’ll try my best to get through the material before each lesson as thorough as I can, but you have to

excuse me in case of any mistakes. We will try to learn together and sometimes it will be you who will teach the rest of us.

Lory felt somehow uncomfortable for a few seconds. The sudden emptiness and dizziness spread all over her stomach. The man, usually so confident, showed his weakness and confusion in front of all his 5th-year students. This immediately produced a burden hardly bearable for Lory – the burden of responsibility – to lead others to an undefined and obscure goal.

The lesson came to an end after half an hour but Lory spent another couple of minutes blankly staring through the window. She suddenly realized that nobody would be able to look at the world in the exact same way she did, no matter how she wanted such common vision to emerge.

Graphs and their glowing nodes started haunting Lory even in dreams. The intensity of light propagating through links of imaginary networks rose to an almost unbearable level. Probably, the tiredness after final exams at the university had been too intense emotionally.

The mixture of anger, anguish and restlessness was preventing Lory from working actively on her current project. Luckily, professor Vak somehow disappeared after the graduation party. He did not respond to a couple of letters Lory sent just in order to confirm she was still trying to finish with the program for visualizing graphs of words in long sequences of sentences. She thought she would never start writing in that exotic and exceptionally lightweight language of REBOL if not for Vak. Probably, she would never start programming at all.

Three years before professor Vak came into their bright computer lab and suddenly raised a question that made his students stare at the floor in fear or bewilderment.

– Who wants to become the first in the world?

Lory felt her heart beat.

– We will be working in a research group and you will need to write scientific papers.

– I want, – Lory abruptly heard her own voice without hesitation. In a couple of seconds a few other students confirmed the desire to join the group. All the rest remained silent.

Ok, – said Vak. – The first meeting will be on Tuesday.

After that Lory spent a couple of years learning programming languages, reading papers, working in the room full of servers in the stuffy and somehow cozy basement situated in the oldest historical island of the city. Vak's life pulsed around the desire of connecting words, emotions, linguists and the emerging artificial intelligence tools together to form a vibrant network of language. Lory steeped herself in this atmosphere of constant search, unresolved issues, experimentation and ever-changing tools. Her own passion for analyzing human behaviors intersected with the pure intelligence of machine logic to light up the fire of motivation.

The day Vak disappeared for her forever Lory would never forget. She stood with the mobile phone frozen at her ear in front of the door of her blue country house. The hot summer day suddenly became too hot, too noisy with birds' voices, too bright with sun rays. The straight and clear line of Lory's life was cut in the middle, and darkness slowly shaded the rest of the road ahead.

Vak did not respond to letters because the illness in his body was stronger than the light of his mind. He passed away fast as he had always been. He made a decision and did not leave anybody time to protest as he had always been doing. His body was burnt in the agony of fire to speed up the transition and set the spirit free.

TWIN was born at the dark and rainy Irish night. For quite a long time Lory could not find an appropriate name for it. That month she was staying in a small beachfront town watching fishermen preparing their boats every morning for long working hours.

One night feeling depressed and stuck, Lory sat on the sofa in the living room with her laptop open. Staring at the blank page in Eclipse she could not find right logic to start coding. She closed her eyes and for a millionth time looked inside herself. She still could not find any

answer or any hidden truth within... "Truth within", – repeated Lory aloud, breathing extraordinary slowly. "There is no Truth WithIn – it's emptiness", – came to her mind suddenly. "I'll call the project 'TWIN'". It will be a word of emptiness to step upon and initialize creation".

Lory opened Photoshop and drew two circles: one – blue – for herself and another – green – for her TWIN. They became the first two nodes of the emerging network, and their intersection changed color to accommodate both circles. It reminded her of last Vak's lectures when the meaning of the lecture material was being born collectively as nobody in the group knew the subject well.

People on the train were thinking their own thoughts. Sleeping, listening to music, talking – each of them was captured by motion pictures broadcast by their individual brains.

The noise of the underground made Lory feel comfortable among the thoughts of others. She checked the Internet connection and opened the browser page on her tablet. The status window clearly indicated that TWIN was still busy calculating – for more than 2 weeks now. Lory gently switched off the tablet. The black screen showed the shades of her reflection. TWIN was living inside Lory and her laptop during the past four years and was now ready to start building its own network of choices.

КОГДА ПАДАЕТ ЗАНАВЕС

Разве ты не видишь, твое сердце уже полно –
В нем нет места для чего-то между нами.
Ты хватаешь внимание, любовь, страсть,
Хватаешь и не можешь ими наддышаться.
Хватаешь везде, где можешь. Злишься,
Если не получаешь своей порции,
Ищешь, суетишься, боишься, что отберут.
Ты заводишь детей, животных, женщин, мужчин,
Деньги, фирмы, хобби, квартиры, мебель.
Смотришь с тоской в закат и в рассвет.
Ждешь, задыхаешься, забываешь свои обещания
И яростно стремишься в контроль.
А я иду своими тропами,
Иногда замечая твои следы.
Мое сердце пусто вибрациями звезд,
Шумом волн и любовью морских глубин.
Я не жду тебя, но знаю, что однажды,
В самый случайный момент ты оставишь
Все, что у тебя есть, и придешь
Заглянуть мне в глаза.

СИМВОЛИКА ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрация 1 («Окно в подсознание»)

— Сосны-ели —

Начнем с образа сосен-елей, заполнивших непроглядную тьму за распахнутыми окнами иллюстрации перед «Песней 6». Важно отметить, что первая достаточно четкая картинка появляется в тексте только сейчас. До этого момента герои были совершенно потеряны в потоке бессознательного. Эта бесформенная тьма все еще присутствует здесь в черноте бушующего леса.

Три особенно четкие сосны-ели символизируют начало процесса осознания. Эти страхи вполне осязаемы, имеют ярко выраженную структуру. И мы уже стоим на возвышении, на достаточно далеком от них расстоянии, и можем спокойно изучить их элементы и форму. Пугающим остается только ветер, гуляющий по лесу и загибающийся стволы сосен-елей в меняющиеся причудливые изгибы.

— Ворон —

Теперь обратимся ко второму объекту, проступающему через тьму вихря бессознательного. Это черная птица над вершинами сосен-елей.

В отличие от неподвижного леса, этот обитатель темноты наделен остротой разящего клюва, способностью быстрого перемещения и воспроизведения резких, крикливых звуков. Ворон здесь становится темным вестником, напоминающим нам о близком дыхании пустоты. Он летает между двумя мирами – ни здесь и ни там, – принося тревожное ощущение непознанного.

...Страх...

Крыло черной птицы сделало взмах...

Страх...

Он скоро накроет

И медленно смоеет

Что-то забытое в снах...

— Окно —

Окно всегда означает, что рядом находятся защитные стены. Они образуют прочную «коробочку» вокруг и отгораживают кусок знакомого и обжитого мирка. Окно – самая уязвимая часть такого укрепления. А открытое окно – это уже вызов, брошенный в окружающее пространство.

Прототипом образа послужили окна Большого зала Екатерининского дворца в Пушкине, в пригородах Петербурга. Блеск и ажурная вычурность русского барокко, тщательная художественная проработка деталей, кропотливая работа по воздвижению прочных и уютных стен...

Но ворон, рассекающий крыльями ночной воздух за пределами дворца, уже поднялся в воздух. И тревога, зародившаяся в черноте волнующегося леса, тонкими струйками ветра потекла в кем-то оставленное раскрытым окно.

— Канделябры —

Призрачный полумрак и яркие, размытые отблески свечей на стене дворца. Не этот ли загадочный свет искали герои рассказов? Не его ли хотели разглядеть сквозь тьму глубин подсознания?

Нет, не его. Слишком неясны очертания канделябров, ветвящихся причудливыми цветами и изгибающихся податливыми стеблями. Но этот свет не менее притягателен. Такие свечи зажигаются тогда, когда мы готовы ступить в темноту. Торжественно и тревожно провожает нас их черное пламя у распахнутого окна.

— Балетки —

В конце «Песни 5» героиня впервые сталкивается с совершенно иной стороной себя – глубоким, светлым и наделенным невероятной силой прощения и притяжения естеством. Для нее резко поднимается вопрос о природе своей внутренней сущности. Она обнаруживает, что обладает способностью «выращивать» события из слов и намерений и танцевать в потоках перемешивающихся и постепенно приобретающих форму энергий.

Образ внутреннего танца воплощается в паре черных балеток. Они лежат на подоконнике, отгороженные от всего остального пространства дворца водой и створками окна. Эта часть души готова к прыжку в черноту леса, ибо обрела несокрушимую веру в присутствие неуловимого источника трансцендентного света и буквально чувствует его присутствие.

* * *

Сегодня все как-то по-другому.
Вчера прошло и забылось совсем...
Бродит старый призрак по дому
Тихо-тихо, печален и нем.

Он пройдет незамеченной тенью,
И не скрипнет ни одна половица.
Дом опутан дремотною ленью,
Мягко в окна свет лунный струится.

Все спокойно и мирно-устало,
Но сквозь ночи привычную тишь
Прошуршит иногда покрывало...
Призрак, милый, ну, что ты не спишь?!

— Вода —

И наконец, завершающий элемент первой иллюстрации – это вода, подступающая к самому краю подоконника. Узкая полоска «суши» с балетками – внутренняя устойчивая точка фокуса действующих лиц рассказов. Она отделяет момент «сейчас» от размытой ряби всех принятых прошлых событий, воспринимаемых как часть внутренней сущности и лежащих в черноте леса еще усиленно отвергаемых явлений, рассматриваемых как внешнее окружение.

Один и тот же ветер осознания пробегает рябью по водной глади и по верхушкам тревожно шепчущихся сосен-елей. Окно и стены – лишь кажущаяся преграда, создающая кажущееся разделение на две грани. Фокус имеет строго ограниченный объем, а потому неизбежно одна часть существования оказывается «на свету», или «во дворце», а вторая «в тени», или «в чаше леса». Так мы оказываемся вовлеченными в непрерывный танец светотени и смены дня и ночи.

Иллюстрация 2 («Звездный туннель»)

Это единственная цветная иллюстрация среди черно-белых снов и фантазий. Здесь находится кульминационная точка истории поиска персонажами своей сущности. Максимальный всплеск цвета, эмоций, звука... и резкое падение в «ничто». Это буквальное переживание «падения в темноту», где не работает ни один из органов чувств.

Опыт «прямого видения» оставляет неизгладимый след. Нарботанная привычка тотального приятия выносит героиню в освещенную яркими лампами комнату дома, окруженного лесом и рекой. Здесь внезапная вспышка концентрации позволяет ей буквально увидеть и пережить образы слов, произнесенных хозяином этого дома. Закрыв глаза, она ощущает, как ее молниеносно «всасывает» в возникшую из черноты внутреннего космоса воронку. Стены туннеля в «горлышке» воронки состоят из восхитительно-яркого пурпурного газа, сквозь который просвечивают искрящиеся звезды. Скорость полета резко возрастает, и вдруг туннель делает поворот влево и оканчивается зияющей черной пустотой. Кажется, что плотность и чернота этой пустоты в несколько раз сильнее, чем у окружающего космоса.

Дальше происходит самопроизвольный выброс в теплую невесомость, которая напоминает слегка давящее и окрыляющее ощущение глубины, как если бы прыгнули в воду подземной пещеры с достаточно высоких мостков. И вдруг все отключается... Пропали цвета, пропали звуки, пропало осознание. Стоп-кадр. Щелкнул выключатель на недосказанном полуслове...

Через секундную вечность кино снова включилось. Как будто очнулось после долгого сна без сновидений. Перед глазами – неясная темнота, неясные очертания, неясные слова. Вновь обретший дар речи ум пытается нащупать что-то привычное. Но позади – обрыв, и ум не может понять, что произошло за время его отсутствия. Это невероятная радость! Что-то стерлось, совсем... И вдруг образовалась «первая ступенька», на которую можно опереться. Наконец-то за столько лет в невесомости появилось радостное ощущение опоры!

Внешний мир, «отключившийся» на мгновения полета, начал потихоньку «просачиваться» через темноту внутреннего пространства. Словно два гигантских острова – один черный, а другой светящийся – поднялись и начали вращаться перед мысленным взором. Какая-то сила неминуемо притягивает их друг к другу, усиливает их магнитные свойства. А потом – ти-

пина. И безмолвный хлопок. Массивный, завораживающий и отдающий неизбежностью.

Героиня «Песни 7» сидит на матах, разложенных на полу стопками, и смотрит на дверь просторного зала. Белая дверь. Ничего не изменилось. Весь зачарованный полет еще стоит перед глазами, просвечивая сквозь белую краску двери. Картинки трепещут, растягиваются, расплываются, их части отделяются и постепенно превращаются в тонкие звенящие золотые волны. Волны заполняют все внутреннее пространство и тихонько звенят, «наплывают» на дверь, стены и людей вокруг.

«Ничего не произошло, – проанализировав ситуацию, разочарованно сообщает ум, смотря на все те же стены, все то же тело. – Никакого переселения душ, никакого «великого» ответа. Никаких невероятных трансформаций, никаких иных миров. Ничего. Это просто я. И хуже всего, что ничего, кроме этого «я» и нет. И никогда не будет. Нет, и никогда не будет... А может быть, это лучше всего?» И блаженство тихо заполняет взбудораженное нутро, подхватывая и укачивая на волнах в колыбели, подвешенной между проявленным и непроявленным.

Иллюстрация 3 («Танец на волнах»)

Представьте, что вы идете по еще зимней лесной дорожке. Снег мягко плавится под подошвами ботинок. В воздухе уже чувствуется легкий мартовский ветерок. Удивительная тишина. Такая, что хочется остановиться и закрыть глаза.

Но вместо этого вы только ускоряете шаг. И вдруг всей кожей почувствуете шум волн и привкус соли. Дыхание перехватывает. И вы понимаете, что идете по волнам, прямо по их поверхности. Шаг еще ускоряется. Гигантские волны поднимаются за спиной, отзываясь внутри нечеловеческой силой и непостижимым по глубине и спокойствию счастьем.

И вот тут вы останавливаетесь и закрываете глаза. Вы стоите на гребне волны, откинув руки назад. Из распахнутой груди вырывается вихрь света, становясь солнцем. Под вытянувшимися в струнку ногами, замершими на высоких носках, в глубинах моря зажигаются звезды, и луна поднимается над горизонтом. Тело замирает среди дня и ночи, изогнувшись в фигуре танца, и потоки солнечного и лунного света проскальзывают сквозь него.

КОММЕНТАРИИ ПО ТЕКСТУ

Песня 1 – страх темноты

Песня 2 – страх смерти

Песня 3 – страх близких отношений и ответственности

Песня 4 – страх боли, физической и психологической

Песня 5 – страх высказать свои желания

Песня 6 – страх воплотить свои желания

Песня 7 – удовлетворение

Песня 8 – полнота

Песня 9 – приятие

Песня 1

✓ *«Ужас внутри достиг критической отметки»*

Волшебный мамин голос, который приглушенно и протяжно поет песни на ночь. Теплые руки, мягко гладящие по спине. Заботливое оберегающее внимание, распространяющееся вокруг маминой фигуры, в которое можно укутаться с головой и спрятаться, чтобы перевести дух.

Мама не родилась, чтобы воспитать вас, чтобы жить вашими проблемами и мечтами. Она вкладывала в вас силы, потому что она привыкла отдавать всю себя работе, потому что вы, возможно, были одним из ее лучших проектов. Остальные ее нереализованные мечты отложились раковыми опухолями и нарушенным ритмом сердца, когда она выбирала ваши желания, а ее собственные не получали поддержки.

В критический момент, когда что-то в тысячный раз не получается или снова вызывает необъяснимый ужас, мы продолжаем мысленно или физически «убегать к маме» в поисках «спасения» и разрешения всех наших проблем. Можно придумать разные техники «проживания ужаса», «исправления прошлого», «входа в страх», визуализации «великого места силы»,... а можем просто принять мысль о «побеге». Принять, прочувствовать, насладиться радостью мысленной встречи. Позволить малышу внутри вас положить ладошки на мамины теплые колени и удобно свернуться калачиком. И полежать так столько, сколько нужно. А потом встать и пойти дальше в предрассветные сумерки.

Песня 2

В этом сюжете отражен страх абсолютной потери контроля: над разумом, над телом, над инстинктами, над жизнью в целом. Если вам кажется, что рассказ очень мрачный, или жуткий, или тоскливый, или тошнотворный, то это просто ваша физическая или эмоциональная реакция на слово «смерть».

Почему образ Сабрины имеет такой ярко выраженный сексуальный подтекст? Секс – момент почти полной потери контроля над телом, который, однако, в большинстве случаев все же не приводит к реальной смерти тела. Стремление человека к удовольствию, граничащему с безумием, заставляет многих идти в сексуальных экспериментах все дальше и дальше. В пределе же это становится смертью тела, разрывом его оков и освобождением бессмертного духа для вечного полета. Ваши эмоции по поводу данного рассказа отражают не только ваши реакции на слово «смерть», но и на слово «секс».

Так что же значат для вас эти два слова, относящиеся к степени интенсивности одного и того же процесса: холодящее душу ощущение потери контроля, тошнотворное вмешательство внешней несокрушимой силы, вынужденную яростную покорность или полет бессмертного духа?

Представьте себе, что вы одноклеточная амeba. Вы в пробирке. Вокруг стены, и деваться больше некуда. Над вами сверху висит скальпель. Бежать некуда. Думать вы не умеете. У вас есть только один импульс – спастись, потому что вы чувствуете, что среда стала незнакомой и враждебной. Вы можете надолго вжаться в стены пробирки и ждать, терпеть, запустив защитные механизмы. Или наоборот, вы можете начать метаться и случайно распороть себя о скальпель. А потом вдруг в пробирку пускают расслабляющий газ, вы успокаиваетесь, раскрываетесь, спокойно опускаетесь на дно, слегка покачиваясь в питательной среде. В полусонном состоянии вы видите, как скальпель опускается и внезапно точным ударом колет вас в давно большое ядро. Резкая вспышка света, тьма – и вы чувствуете, что боли больше нет.

Персонаж Сабрины лишь задает конкретный контекст для описания всего спектра переживаемых предсмертных состояний. В данном случае смерть наступает от сердечного приступа во время танца, под действием тяжелых наркотиков и гипноза. Сабрина не захотела быть ни матерью, ни рабыней. Она выбрала несвойственный для женщин арабских стран, в которых происходит действие рассказа, путь знания. В условиях ее среды это означало только одно: резкий, сильный переход в другую жизнь в полусознанном состоянии.

✓ *«Внутри», – громкий металлический голос раздается прямо в правом ухе Сабрины»*

(часть 2)

Перед тем, как сделать шаг в неизвестное, появляется предчувствие потери. Солоноватый привкус и острое ощущение страха. Вынужденное одиночество падает защитным колпаком. Оно изолирует ото всех вокруг, продолжающих следовать отлично знакомым шаблонам и только мешающих уловить еще неясные очертания уже принятого кардинального решения.

Когда шаг совершен, и черта невозврата остается позади, все привычные структуры рассыпаются на отдельные бусины. Соединительные нитки рвутся, и пустота отсутствия, особенно переживаемая впервые, отзывается первозданным ужасом хаоса. Ящик Пандоры широко распахнут. Все темные силы разрушения завершают свою работу. И теперь настало время извлечь притаившуюся на дне надежду.

Надежда – маленькая и робкая обительница заветного ларца – это именно тот волшебный эльф, который вложит вам в руку свою теплую ладонь. Полупрозрачный и полуосязаемый, он мягко тронет ваши сердечные мышцы, задав устойчивый ритм. Тепло растечется по сосудам, согреет мысли и принесет свежие силы, чтобы по-новому собрать все рассыпавшиеся бусины.

✓ *«Сабрина танцевала его улыбку...»*

(часть 6)

Кто этот «он»?

Во время танца в клетке сознание Сабрины постепенно отключается, погружившись в дурман сильного наркотического вещества и общего сексуального напряжения. Голос, с наслаждением и вожделением руководящего всей этой игрой человека, принимает для Сабрины дьявольский оттенок. Ее сопротивление заставляет человека максимально увеличить силу ударов. Наконец, тело сдается и замирает в неподвижности. И остается только «он» – свет, потоком любви текущий в темноту бездонного ночного неба.

Момент перехода из одной жизни в другую Сабрина почти не запомнила. Осталось только ощущение бесполезности. Она помнила еще, как в одной из жизней прыгала с крыши высотки – короткий упоительный миг полета, все тот же свет, темноту и то же знакомое ощущение разочарования. Это второе воспоминание и вспыхивает во время детской игры в жмурки.

Сабрина понимает, что ухватить вечно ускользающий свет не получится. Переходы между жизнями восхитительно вспыхивают и приносят спокойствие, отдых и неизменное разочарование. И тогда Сабрина встает и отдает свое тело танцу, потому что в танце ее сознание само находит дорогу к свету и растворяется в его улыбке.

Песня 3

✓ *«Никаких истерик, бесконечных сборов и посторонней возни»*

(«Белые стены»)

Хроническая усталость до неузнаваемости меняет отношение к окружающим событиям. Реакция на боль, страх, радость, наслаждение притупляется. Тело теряет чувствительность. Разговоры ума отходят на второй план. Перед самым носом, как у навьюченного ослика, остается только красное пятно преследуемой цели-морковки.

Когда направление задано и фиксирован желаемый конечный результат, мир вокруг «отходит на второй план». Между ним и вами образуются тонкие непроницаемые стенки. Оказавшись в вакууме такого туннеля, вы начинаете напряженную работу. В этот момент вы можете «не заметить» дома, стоящие прямо в вашем саду, надоевшую собаку, которая завоет от боли, когда вы поднимите ее за хвост в приступе ярости, спокойно можете выбросить размяукавшегося кота в лестничный проем третьего этажа, избить беременную жену, надоевшую своим «нытьем» и требованием внимания.

Вы захвачены предвкушением «великой победы», «всеобщей радости», «вселенского богатства», «избавлением от вечных мук». Окружающие же в этот момент видят вашу согнутую спину и перенапряженные плечи, замкнутое отстраненное лицо, слышат постоянные упреки, чувствуют выплескиваемую вами боль, пренебрежение, постоянное яростное желание секса и тоскуют по теплой нежности взаимного доверия.

✓ *«...этим вечером...»*

(«Первая любовь»)

Видишь – в небе звезды засветились,
Словно огоньки зажглись над головой.
Мысли все в мгновение испарились,
Сердце задрожало, как больной,

В лихорадке бьющийся ученый,
От избытка формул не смыкавший глаз.
Скоро месяц выглянет, усталый и смущенный,
Из-за тучи он уставится на нас.
Ветер рябью пробежал по водной глади.
Твои пальцы в темноте нашли мою ладошку.
Мне неважно, что там делается зади –
Я смотрю на воду... и дрожу немножко.

✓ «Вода забирает тяжесть и промывает»

(«Вода»)

Музыка и вода имеют невероятную силу очищения.

На глубине водоема или просто в наполненной почти до краев ванной наступает тишина. Все внешние звуки отдаляются, а внутренние некоторое время воспринимаются яснее – потом отдаляются и они. Остается слегка звенящий вакуум. Одно-два-три погружения, чтобы растворить остатки напряжения. И чай с мятой – после. Или просто стакан теплой воды.

Равномерная, бесконечная, слегка монотонная мелодия, рекой протекающая сквозь роящиеся мысли. Можно опереться на ее плавные переливы, «зацепиться» и отпустить ум пережевывать накопившиеся мысленные зазоры. Постепенно расслабление перейдет и в тело.

Вода, музыка, тишина, темнота, свеча или легкий ночник, цветы или эфирные масла и массаж, сделанный руками любимого человека.

✓ «и она увидела его боль»

(«Боль»)

Долгожданный белый танец
В ночных огнях окна пустой квартиры
В дыханьи тел,
В едином крике душ,
В жестокой искренности страсти.
И только ты,
И только я,
И мир, разлившийся сквозь слово «вечность».

✓ *«Дети чувствуют вас... Держите их за руку, пока они сами не разожмут пальцы»*

(«Дети»)

Убежать от родителей. Чтобы все по-своему, чтобы своя семья, и не так, как «навязывают». Или поскорее «выпихнуть» ребенка во «взрослую жизнь». Чтобы не мешал, не докучал вопросами, и чтобы похвастаться его «самостоятельностью» и «гениальностью».

Резкий обрыв генетической связи «родитель-ребенок» не дает возможности испытать и вырастить глубокое чувство доверия. Позже человек без доверия начнет организовывать поиски «безусловной любви» в алкоголе, в Боге, в сексе, в работе, в спорте, в искусстве – в чем угодно, кроме отношений с собственными родителями, живыми или уже ушедшими.

«Выпихните» детей – и однажды они снова придут к вам и станут вести себя как дети. «Сбежите» от родителей – и однажды придется прийти к ним в дом или на могилу и смириться с тем, что они всегда должны знать или должны были знать, что вам нужно, лучше вас.

Связи «ребенок-родитель» не будет ни с кем из любовников, детей, мужей и жен, друзей, родственников и т.д. Она есть только между вами и вашими родителями. Все остальное – лишь видимость или иллюзия совпадения. Ребенок мягко тянет руку из вашей ладони, когда готов отдалиться, – чтобы оставить между вами только глубокое чувство доверия. Родитель отпускает уже подростковую ручонку, когда видит, что просто пора, – чтобы оставить только глубокое чувство любви.

Песня 4

✓ *«Человек напротив, не выдержав повисшего молчания, молниеносно поднял руку»*

(часть 1)

Гнев взрывается внутри как огромный воздушный шар, заполненный накопившимся напряжением. Он вызывает сильнейший приток крови к голове и конечностям, чтобы максимально заблокировать интеллектуальную функцию и подготовиться к немедленной атаке или обороне. Как правило то, что непосредственно вызвало «разрыв пузыря гнева», не имеет никакого отношения к истинным причинам хронического отсутствия расслабления.

Когда вы злитесь, вас никто не злит нарочно. Текущий уровень напряжения, который присутствует в теле раздражающе действует на нервную

систему. При этом напряжение может быть вызвано как недостатком энергии, так и ее избытком. Выбор – злиться, закрываться, вкладываться в работу, «выпускать пар» в секс или развлечения, мстить окружающим за свое раздражение, срываться – делаете вы сами.

Иногда кажется, что одни люди «бесят» больше, чем другие. А что вас так в них бесит? Они не говорят вам, какие вы хорошие, не гладят вас по голове, не приносят вам «булочки», не оказывают поддержку, не питают вас новыми «знаниями», а орут и срываются? Может быть, вы и идете к ним именно в тот момент, когда их нервы на пределе? Чтобы их направленная агрессия позволила вам «восполнить» недостаток ваших собственных сил. Вы не пробовали приходить к ним, когда ваша энергия на максимуме?

✓ *«Внезапно ее тело раскололось на миллионы осколков, и из груди вырвался крик»*

(часть 3)

А вы знаете, когда что-то кончается,
Плакать хочется, словно остро в сознание,
В сердце, в ноги ворвалось внимание –
Страшно в мыслях пропасть и отчаяться.
Когда голос затих, став лишь отзвуком,
И мурашками забросав, как иголками,
Прожигает на сердце наколками
Кадры прошлого в цветной аппликации.
Тишина, что приходит от скорости
В миг зашкалившей силы звучания,
Не дождавшись от слов окончания,
Зазвонит вдруг во внутренней полости.
Не смотрите вперед, если страшно там жить,
Страшно так, что, совсем выбиваясь из сил,
Бог внутри вас внезапно так тихо спросил:
«Ты со мной? Я один не могу больше быть!»

Песня 5

✓ *«Почему мама не защищается?»*

(часть 2)

Яростная ревность, часто сдобренная алкоголем или усталостью. Страх, что вам не хватит внимания любимого человека, что кто-то еще получит причитающуюся вам долю. Как в детстве, когда мама вдруг отворачивалась от вас и начинала «развлекать» вашего брата или сестру. Это вызывало резкую злость и ощущение тоскливой несправедливости. Вам казалось, что мама поступала так именно тогда, когда вам необходима была забота, поддержка и теплые объятия! И, конечно, делала это «нарочно»!

Годы спустя вы всегда «знаете», что рядом есть кто-то еще, кто только и ждет, чтобы забрать себе драгоценные минуты вашего «эфира». Вы уже ожидаете появления такого лица и заранее начинаете пугливо озираться, как только почувствовали себя хорошо. Или принимать «удары судьбы» как нечто должное, не видя, что «разворачиваете ситуацию» в таком направлении именно вы.

Невозможно насильно заставить другого «испытывать к вам постоянную нежность и проявлять заботу». Эмоции не поддаются контролю. Они будут переполнять вас, струиться и постоянно меняться. Но физические действия поддаются контролю. Только вы решаете, как реагировать на эмоции. Только вы решаете, что вы будете делать, когда увидите невероятно привлекательного человека любого пола. И только вы решаете, к кому вы всегда будете возвращаться, что бы ни бушевало внутри.

✓ *«Кто этот человек?» – ошеломленно проговорил внутри нее спокойный голос»*

(часть 3)

Вас связывает сильнейшее притяжение. Невербализованные мысли эхом отзываются друг в друге и несут в едином направлении. Действия начинаются в одном человеке, а продолжаются в другом без всяких усилий, без тени сомнения, почти без слов. Вам кажется, что вы стали единым организмом, как сиамские близнецы. Вы находитесь в пространстве только вам понятных смыслов, жестов, символов и тайн.

Но однажды вы понимаете, что созданный вами «мир» забирает все ваши силы. Вы отходите немного в сторону и оглядываетесь. Давнишние мечты все так же остались мечтами, а иллюзия единства унесла вас обо-

их далеко-далеко от повседневной действительности. Вы начинаете говорить, выяснять, изучать, наблюдать. И чем дальше заходит этот процесс, тем больше вы понимаете: человек рядом совершенно вам не знаком. Он не слышит вас, не понимает, злится, тоскует. Приходит апатия. Депрессия. И, наконец, вас буквально «разрывает» неведомая сила, заставляющая идти вперед.

Я сейчас совсем одна, как луна,
Что заброшена в холодной звездной дали.
Серебристой кошкою крадется в облаках она
И мечтает, чтоб ее там отыскали.

Оглушает упавшее одиночество. Все попытки броситься к другим людям остаются тщетными. Вы ходите по опустевшей земле, неприкаянный и растерянный. Слушаете учителей, музыкантов, ученых, книги, фильмы, песни, буквы, звуки. И однажды остается только тишина. Вы садитесь и с благоговением закрываете глаза. А когда открываете, понимаете, что вы снова единый организм. Действия и слова приходят, отзываются в вас и плавно продолжают в ком-то еще.

✓ *«Сознание нашло долгожданный выход и растворилось в молитве»*
(часть 3)

В ответ слышишь «нет». Протестовать бесполезно – любое высказывание недовольства только усугубит ситуацию. Абсолютно любое. Тот поток событий, который привел в данную точку пространства, уже взял свое направление и не может быть изменен. Хоть кричи, хоть молчи, хоть скрывай или выплескивай свою бешеную злость. Тропинка уже протоптана.

Но цель остается прежней. И к ней ведет множество дорог. Бесконечное их число. Остановитесь, посмотрите на сложившиеся факты прежде, чем продолжить биться в кровь за избранное направление. Где среди всех законно вспыхнувших в ответ на отказ эмоций затерялось истинное и очень справедливое желание, глубинное и столь трепетно именно ваше?

Возможно, все дело было в нечеткой формулировке. Посмотрите на слова еще раз, поиграйте с образами. Уточните малейшие оттенки вашей цели, уберите излишнюю грандиозность, сократите, оставьте только ее сакральный центр, самый маленький шаг, ведущий к ее реализации. И вдруг услышите «да».

Песня 6

✓ *«В ответ зеркало отразило ее одиночество»*

(часть 1)

Было тихо-тихо среди мертвых звуков,
И лишь ветер мягко пробегал волною
По верхушкам елей, тополей и буков,
Рождаясь где-то в листьях и становясь травой.
Сонный вечер падал на уставший город,
Зажигаясь в окнах мириадам грез.
Было время года, когда первый холод
Просыпался в небе и неслышно рос.
Среди золота опавших листьев ясно
Становилось в рыжем и печальном сквере...
Кто-то прошептал беззвучно: «Все напрасно...
Я любил Вас свято... А теперь не верю...»

Идешь по улице, смотришь на снег, и никто тебя нигде не ждет. Смотришь, как кружатся снежинки, как спешат куда-то люди. У тебя тысячу дел, огромная усталость, и не хочется домой. Там в пустой квартире стоят любимые книжки, давно заброшенная швейная машинка и коробка с бисером. Не хочется включать компьютер, не хочется проверять почту, не хочется смотреть на клавиши.

Наверное, есть люди, которые «включаются» только если к ним прикасаются с любовью. Которые чувствуют каждую ложь, каждое дуновение внимания и каждое сокровенное желание, пугливо забившееся в закоулках чьей-то души. Которые могут жить только одним человеком, никого больше не пуская в тот заповедный краешек сердца.

Эти люди смотрят на вас и ждут, когда вы перестанете прыгать с одной мысли на другую, бежать за вечно неотложными целями, озираться по сторонам в поисках чего-то необычного, стремиться завоевать весь мир, покорить всех женщин или мужчин, рассмотреть все новые памятники и картины природы. Они сидят и ждут, когда вы устанете и, отдышавшись, молчаливо присядете рядышком, чтобы послушать бие-ние сердца друг друга.

✓ *«А потом я станцую свой танец и спою свою песню...»*

(часть 1)

Выходите из дома и просто идете вперед. По тротуарам, через подземные переходы, вдоль магазинов, памятников, через парки и пустыри. 30 минут, час, два, три, и время сольется с пространством, превращаясь в одно сплошное сейчас. Ум выбросит в свободное парение. Если вам больно, страшно, тоскливо, слишком радостно, вы слишком перевозбуждены, или если сердце разрывается от обиды – пускай. Еще пару кварталов, еще один парк.. и отпустит.

А потом сердце наполнится музыкой, а мысленный экран и мышцы тела изнутри – танцем. Дома, проносящиеся машины, проспекты – все станет светом и тихой радостью. Захочется подпевать во весь голос мелодиям из воткнутых в уши наушников. Люди будут проходить мимо со своими собачками, сумками, друзьями, любимыми, музыкальными инструментами, модными шубками, родителями, случайными знакомыми. Проходить мимо и уходить в даль.

Вы остановитесь. Почувствуете легкий укол в сердце. Встанете и начнете делать медленные вдохи и выдохи. Никаких резких движений. Спокойно будете смотреть на мысли, которые регистрируют еще несколько таких уколов. И потом наступит тишина. Что-то ушло, и оставило приятную пустоту. И вдох.

✓ *«Мама устало и раздраженно ответила...»*

(часть 3)

Заходишь, и с первых слов – в крик. Безобидные, казалось бы, фразы. Но ты слышишь их каждый раз, столько лет, одни и те же. Ты смеялся на них, не замечал, пытался отшутиться, реагировать, игнорировать, пытался объяснить или выразить свои эмоции, пытался просто не приходить или уехать куда-нибудь подальше – желательно на другой континент. Но они все те же.

Смотришь на свой гнев, смотришь на так привычно «опустившееся» от обиды лицо напротив. Как будто оно только и ждало, чтобы вот так вот сесть и немного «отдохнуть» в своих сожалениях. Нет жалости, нет вины, нет никаких желаний. Нет осуждения, нет беспокойства. Только чистая и энергичная злость.

Морозный воздух улицы, сотни шагов по прямой, огни погруженного в темноту города в отражении каналов, и полная серебряная луна в высоком

и чистом небе. Общение бывает разное. Бывает и такое. Просто повторяющийся круг – без всякого смысла.

✓ *«Я не хочу быть женщиной», – подумала Соня»*

(часть 3)

И? Что значит «не быть женщиной», если у тебя женское тело?

Что значит не выражать свои «женские» желания: потребность в заботе, стремление притягивать внимание, жажду постоянного присутствия любимого мужчины, детскую непосредственность и ранимость, необходимость регулярного выплеска эмоций и адскую силу бесконтрольных приливов страсти?

Это значит только одно слово: контроль. Что думать, что чувствовать, что есть, на что смотреть, о чем говорить, куда идти. Еще это означает постоянный анализ ситуаций, сортировку, отбор работоспособных шаблонов поведения и оптимизацию их последовательности для максимально быстрого достижения поставленной цели.

А свои такие женские и такие сильные эмоции? Что делать с ними? Их можно выплескивать на бумагу, в танец, в работу, в морские волны, в музыку, в безвозмездную помощь, в высокое небо над головой, в слезы, в далекие путешествия, в песни в лесной глуши, в мурлыканье кота, в фантазии. Можно просто копить их годами в горле, в животе и в раковых опухолях. И можно, наконец, устать от «небытия собой».

И вот тогда все «расфасованные по отдельным баночкам» и «расклассифицированные» эмоции прорвутся наружу. И вы будете долго смеяться, долго безудержно рыдать, долго молчать в полной тишине, замерев от ее великолепия. Вы хотели «убить» жизнь внутри вас и взять ее под свой контроль, а в результате ее поток за считанные мгновения смел все ваши преграды, как маленькие щепочки. И вы просто снова стали собой.

Хотя... а почему вы думаете, что это касается только женщин...

✓ *«...огромная, освещенная со всех сторон сцена»*

(часть 5)

Вы сидите в партере. Вы смотрите на ярко освещенную сцену, где четкими движениями танцоры чертят в воздухе и на полу завораживающие фигуры. Воздух вибрирует от растревоженных чувств. Возбуждение движе-

ния, грация, захваченное и четко сфокусированное внимание. Кружащиеся пары, подхваченные разноцветными трепещущими огнями прожекторов.

Вы смотрите, покачивая головой в такт музыке. Вас разделяют всего несколько рядов кресел и оркестровая яма. Ритм, такой сильный, такой обжигающий, стремительными ударами кастаньет и сердца бросает кровь по всему телу. И внезапно вы встаете и делаете шаг. Сцена и зал превращаются в одно целое. Первый ряд, второй ряд, полет над ошеломленными музыкантами, притаившимися в оркестровой яме. И вы среди танцующих, охваченных огнем движения.

Вы поднимаете руки, изогнувшись в причудливой фигуре, замерев на высоко поднятых носках, и несколько секунд смотрите на простершийся перед вами зрительный зал. Что вы делали там так долго, запутав себя в тягостных разговорах антрактов, в узких парадных костюмах и напряженных притворных улыбках? Всплеск ритма. Ваши ноги оживают, отдавая себя обжигающим нотам. Вас подхватывают чьи-то руки и уносят прямо в глубину вибрирующей танцем сцены.

Последний сантиметр,
Последний шаг,
Последний выдох,
Последнее усилие –
И возвращение на сцену,
Возвращение домой,
Возвращение к жизни,
Возвращение в любовь.

✓ *«Еще несколько секунд... последние такты на максимальной отдаче»*
(часть 5)

Выход за пределы возможностей, когда положиться можно только на тренеров, любимых или на Бога. Чтобы танцевать так, как никогда, чтобы говорить так, как не репетировали, чтобы продолжать лежать в шпагате сквозь бегущие по щекам слезы, чтобы уходить от единственного дорогого человека в сторону самого себя.

Перед тем моментом, когда вы готовы сделать что-то впервые, как правило, силы уже на исходе. Часто наступает депрессивное состояние, приходит раздражительность, желание опустить руки или даже покончить с со-

бой. Вы, действительно, сделали все, что могли. И вы знаете это. Осталось только прийти или буквально приползти в то самое место, где произойдет прорыв. Так получается, что вы всегда знаете, где это.

Сама секунда прорыва не совершается вами. Это всегда внешняя по отношению к вам «сила», которая распахнет границы привычного и поможет совершить «квантовый скачок». Перед самым «моментом истины» остается только ждать и продолжать стоять или лежать лицом к неизвестному.

Музыка. Барабаны укачивают, зовут,
Волнами звуки тонут в ритме, плывут,
Всполохи света скользят там и тут.
Люди чего-то ждут.
Шторы. В ночном проспекте тени снуют –
Лица мелькают в вспышках сонных минут.
Движенья и танец тихо отдых несут.
Люди кого-то ждут.

✓ *«Соня одела балетку на левую ногу... «Беру», – сказала Соня»*

(часть 6)

Обувь и одежда, которые мы так долго мысленно примеряем; встречи, которые мы так тщательно продумываем; люди, которых мы так бережно «отбираем»; слова, которые мы складываем в точные формулировки долгими бессонными ночами. Как часто все это переходит из фазы «смотрю и анализирую» в фазу «беру» или «реализую»?

Картинка на обложке книги может казаться фантастически нереальной, пока мы стоим и смотрим на нее со стороны, и она для нас – просто отражение чужого опыта. Как на экране телевизора. А что если шагнуть «за этот экран» и пройти «через стену»?..

Глухая стена. Это не страх, нет – ум не находит похожей ситуации с неудачным исходом. У него нет «протопанной дорожки» по ту сторону. Даже привычное «биться до последнего» недоуменно сворачивается в уголочке. Отступает и страх перегрузки, и страх неудачи, и все остальные страхи. Ничего невозможно оценить и проанализировать.

Бормотание ума внезапно уходит в даль. Звонящий вакуум. И перед нами раскрывается... пустота. Ни стен, ни полов, ни форм, ничего. Чернота. Остается только две возможности: убежать или остаться. И мы принимаем

ем решение «быть». Просто какое-то время наблюдаем свое собственное дыхание.

А потом делаем шаг. Прямо сквозь пустоту в никуда. И снова замираем, слушая свое дыхание. Когда мы открываем глаза, то видим перед собой зеленый дуг, купающийся в золотых лучах восходящего солнца. И блаженство мягко растекается по телу.

✓ *«Соня резко сбавила темп, неуклюже доделала начатую фигуру и остановилась»*

(часть 5)

Самая распространенная реакция на застенчивость и неожиданную нелепость – смех. Он может быть искренний, злорадный, выражающий превосходство, издевательский, сочувственный, глупый или ранящий. Смех, когда в школе выходишь к доске, не зная ни только ответа, но и не понимая вопроса, и несешь ерунду. Смех, когда так долго представляешь, как же подойти и сказать «привет» давно нравящемуся человеку, что просто неуклюже натыкаешься на него. Смех, когда нужно сделать красивую танцевальную фигуру с партнером, который неприятен, и делаешь что-то совершенно не адекватное. Смех, когда останавливаешься на полуслове, выступая перед целой аудиторией людей, и фиолетово-малиново краснеешь, потому что совершенно не помнишь, о чем хотелось сказать дальше.

А самая смешная застенчивость – когда ты убегаешь после мига собственного успеха и не можешь выдержать аплодисменты. И еще, когда буквально физически тошнит от восторга и невозможно долго терпеть такой накал эмоций. Некоторые даже умирают, потому что у них не выдерживает сердце... от счастья.

Миг счастья – это сильнейший стресс для неподготовленного организма. Неудивительно, что очень многие скатываются обратно в какое-то нейтральное состояние полужизни-полусчастья-полусуществования после переживания «волшебного момента». Это как в спорте. Вы постепенно готовите тело и выкладываетесь на соревнованиях. Выступаете, отдыхаете и снова продолжаете тренировки. Вы просто знаете, что впереди новые соревнования. Так же и со счастьем. Вы переживаете его, отдыхаете и продолжаете готовиться. И однажды вы просто сможете жить, погрузившись в счастье.

Песня 7

✓ «...показалось, что она услышала взмах дирижерской палочки»

(часть 1)

Темнота, без начала и конца, потерявшаяся в бесконечности. Нет ни дыхания, ни мыслей, ни голосов. Внезапно улавливается бесшумный ритм. И радостно подчиняясь ему, возникает пульсация. Ровно, мягко, точно и безгранично. Океан невесомых волн, охваченных единым звуком. Движение, зарождающееся в нигде и уходящее в никуда.

Легкое «брожение», «стущение», свечение вокруг да около и вдруг – резкая фиксация. Осознанный толчок и вспышка. Появление точки отсчета. Быстрая круговая концентрация звука и света. Эйфорическое нарастание скорости. Вращение, гул и свет, нежный, сильный, тонкий, теплый, такой знакомый, такой долгожданный.

А дальше – только музыка. Мелодия в золотом отблеске трепещущих волн. Строгая и ритмичная, чувственная и сводящая с ума, близкая и невыносимо далекая. Летящая сквозь канву, расшитую бусинами случайных событий.

✓ «Первыми вступили скрипки»

(часть 1)

Какое блаженство, когда вокруг тишина, и кружит декабрьский снег на безлюдных остановках. Большими влажными хлопьями он опускается на меховую оторочку капюшона, оставляя островки слипшихся волосков. В морозном воздухе чувствуется дыхание ночи.

В почти последнем полупустом вагоне метро в такие часы звучит музыка. Саксофон, джембе, гитарные проигрыши, а иногда и тонкие скрипичные отголоски. В мыслях проносится ощущение мягких прикосновений и нежности случайных слов. Несбывшиеся желания тихо роятся в уголке сознания, купаясь в тумане разочарования, и плавно растворяются среди падающих на бумагу слов.

Минуты наедине с собой. Минуты на теплое осознание собственного безграничного внимания. На новые озарения и на сонное ожидание долгожданного одеяла и темноты погружившейся в дрему комнаты.

✓ *«На земле осталась только музыка»*

(часть 1)

Терпкая смесь острых огорчений и сладкого аромата радостей. Смешанная в наперед неведомых пропорциях и приправленная мятным соусом воспоминаний. Отраженная в крутовороте лиц и охваченная бурлящей непрерывностью изменений. Жизнь струится по верхушкам сосен, по послушным телам, по невидимым пустотам, заполненным воздухом, по городам и рекам. И тихонько звенит, превращаясь в музыку.

Словно напряженные золотые струны растянуты в масштабах всей Вселенной. Тончайший узор, мелодичный и стройный. Удивительно совершенный, гармоничный и чарующий. Ноты, разбросанные в непредсказуемых, строго выверенных последовательностях. Бесшумно рождаются образы, одни картины заменяются на другие и вдруг рассыпаются обратно в тишину.

✓ *«...широкий и сильный электрическая разряд»*

(часть 1)

Однажды приходит время праздника. Подкрадывается незаметно, пробует осторожно почву, принимает, стряхивает пылинки с нарядного костюма, проверяя последние приготовления. И вдруг взрывается смехом, рассыпаясь в искрах радостного оживления. Звенит, гремит, прыгает, кричит, хохочет до слез, срывает условности, пьянит и кружит. Не ждет, не терпит, не учит и не принуждает. Утопает в цветах и запахе карамели, елочной хвои, в оранжевом блеске мандаринов и мокрой прохладе кружащихся снежинок. Бегаёт вприпрыжку по льду замерзших водоемов или купается в теплых волнах на южном побережье. Налетает и пронзает.

✓ *«Резкое ощущение огромной, не испытанной никогда прежде, спокойной силы»*

(часть 1)

Сначала мы рассказываем невероятные истории своим куклам и машинкам, не замечая никого и ничего вокруг и мысленно уплывая в теплые, героические фантазии, не имеющие никакого отношения к происходящему в реальности. Потом в нас просыпается умение «конструировать» в ментальном пространстве «чертежи» вполне реальных объектов: например, моделей одежды, текстов, стихов, программ, вариантов возможного поведения, последовательности будущих событий. Эта способность связывать, вы-

страивать и придавать смысл наборам, казалось бы, совершенно случайных объектов и явлений, сродни плетению бесконечного кружева все более изощренных и тонких узоров.

Можно брать любые материалы: бумагу, ткани, буквы, движения тела, звуки, навыки людей, самих людей, оттенки эмоций, целые города и пейзажи, мнения и желания. И рассыпать эти трепещущие и почти неосязаемые разноцветные энергетические комочки по полотну сознания в произвольном или заранее продуманном порядке. Перемещать, переставлять, убирать лишнее, переживать за каждую деталь и испытывать необъяснимую радость, когда все это вдруг оживает.

А однажды мы проваливаемся в черноту внутреннего космоса и падаем среди звезд и ослепительных пурпурных облаков, чтобы навсегда остаться наедине с собой. Или идя по широкому шоссе, обрамленному шумящими елями, ощущаем полную остановку времени и принимаем бесконечность собственного существования.

✓ *«Звезда, побудь со мной»*

(часть 2)

Учитель обладает очень простым свойством: он для вас символ «тайны», и его действия или само его существование подчиняются непонятным вам законам. Он вызывает раздражение, потому что «ускользает» каждый раз, когда вы «подходите поближе».

Каналом для передачи знания является взаимное внимание. Создается такой канал при наличии сознательного усилия, или сильного сексуального желания, или просто стечения обстоятельств для захвата внимания. Когда передача полностью завершена, знание внутри вас «начинает светиться» и превращается в любовь к предмету, к навыку или...к жизни, если вы искали абсолютное знание. Не забудьте только, что абсолютное знание требует абсолютного внимания.

А что нужно лично вам, чтобы «включить внимание» и начать учиться? Другой человек, звезда, музыка или просто собственное дыхание?

✓ *«Волны, волны, волны...»*

(часть 3)

Есть ситуации, в которых все «действующие лица» вдруг «включаются». Каждое слово разворачивает остро воспринимаемый контекст.

Выплывают на поверхность скрытые мотивы участников и их невербализованные желания. Фразы больше не произносятся впустую – идет настоящая борьба смыслов. Шутки превращаются в оскорбления, вопросы обнажают глубокий подтекст. И даже сдача может, в конечном итоге, обернуться победой.

Вы говорите одно, а воспринимается совсем иное. И вы с ужасом понимаете, что не управляете ситуацией, которая словно разворачивается через вас. Случайности падают со всех сторон, повергая вас то в ужас, то в смех. И ваша единственная задача заключается в том, чтобы просто быть, оставаться внутри процесса, говорить и делать то, что надо говорить и делать. Совершенно непредсказуемо вас вынесет к неожиданным и давно желанным обстоятельствам.

Оглядываясь назад, вы удивленно поднимите брови – и как вас вынесло туда, где вы оказались, и где вы вообще находились до этого?

✓ *«А вот и море»*

(часть 3)

Искренняя улыбка восхищения – это святая вода для измученной поисками души. Искренняя радость на уголках губ. Она распахивает окна в бесконечное море существования, укачивая на волнах взаимного уважения. Улыбка – просто от того, что ты прошла мимо. Глубокая и открытая, без тени смущения, без тени превосходства, без тени контроля. Неожиданная и долгожданная. Улыбка в священном преклонении и концентрированное, направленное внимание.

Сколько раз они больно дергали за волосы, мстительно рассказывали о твоих проделках учителям или родителям, причиняли невыносимую боль, распускали руки или замахивались, запутывали адом или заманивали сексом, сладостями и блаженными галлюцинациями, толклись на месте, не в силах выразить что-то словами, ждали и тянули время, проходили мимо, унижали или презрительно отворачивались, не слышали и не слушали, укоряли и не давали воздуха.

И ни один не мог спокойно и уверенно передать свое восхищение и преклонение в теплой и удовлетворенной улыбке, адресованной именно тебе, длящейся столько, сколько нужно именно тебе, безличной и всеобъемлющей, безо всяких ожиданий и страхов, широкой, как океан, и глубокой, как небо.

В сумраке звезды рассыпаны мартом,
Воздух щекочет мечты аккуратно,
Мысли в прыжках расплескались с азартом –
Мягко весна в год крадется обратно.
В городе вечер. По шумным бульварам
Звук голосов – на свет машиновых глаз,
Цветки и улыбки – задумчивым парам,
Луна, ветер, небо – и все только для нас.

✓ «Выдох»

(часть 3)

Тихая, протяжная, бесконечная мелодия. Холодок по коже. Тонкий аромат и плавные изгибы колеблющегося пламени свечи, окутанного сумерками. Горячие волны от то и дело пересекающихся взглядов. Насыщенная электричеством кожа в голубоватых искрах соприкосновения волосков. Тела, теряющие вес среди приливов блаженства, плавающие прямо в пустоту окружающего пространства. Влажные прикосновения губ, утратившие контроль и ощущение направления. Непроходящая жажда умереть в крепком и властном объятии обезумевших рук.

Яростный точный толчок, и тело наполняется звуками. Оно гудит, звенит, заходится криком, судорожными вздохами, обрывками бессвязных слов, нежностью, ненавистью, слезами, смехом, взрывами всего спектра вспыхнувших эмоций. Полнота сознания на бесконечные мгновения прорывается в физическую реальность и связывает все воедино, продолжает, заполняет, оберегает, пронизывает и завершает. Сердца льются, разбрызгивая огненную лаву восторга и обращаясь в единый раскаленный шар пульсирующего вещества.

Гул. Внезапное резкое расширение пространства. Мерцание звезд в иссиня-черном космосе внутреннего естества. Скорость, бешеная скорость полета, устремленного к самому центру Вселенной. Охваченное огнем тело, безвольно извивающееся от непрерывных вспышек света, проносящихся и распускающихся в глубинах бесконечности. И вдруг тишина. Полная, беззвездная тьма и замершие в преддверии агонии мышцы. Вакуум, безвоздуха, мыслей и желаний. Мгновенная цепная реакция. Взрыв, рожденный из темноты, сотрясший тело, и ушедший в глубокий выдох крика. И яркая

вспышка новой звезды, рожденной в какой-то затерявшейся в бесконечности Галактике.

Океан Бытия, вибрация скорости,
Вибрация легкости, энергия радости.
Надежды, сомнения, и вдруг остановка,
Фиксация – власть пустоты черной пропасти.
Дыхание в плавном укачиваньи,
Свечение – в мыслей сворачиваньи.
Звук – в слово.
Обретение имени.
Вспышка, рождение, крик,
Вселенная...
Космос...
И Вечность, скользнувшая в миг.

Песня 8

✓ *«В...спокойном взгляде...пролилась глубоко скрываемая нежность»*

(часть 5)

Любовь зарождается постепенно. Слово за словом, жест за жестом, одну встречу за другой, в промежутках между звуком голоса друг друга, в откровениях случайных оговорок, в едва уловимых ниточках фантазий. Тогда, когда все предыдущие воспоминания уже рассортированы по страницам фотоальбомов, когда дни и часы, проведенные в одиночку и за работой, стали приносить ни с чем не сравнимое удовольствие, когда звонки родителей больше не вызывают тягостного напряжения, и тогда, когда просто приходит время.

Взгляды проскальзывают, проплывая то по словам, то по телу, то плавно перемещаясь на других людей. Секундная остановка вызывает только резкий прилив крови к голове и желание закрыть глаза. А потом среди разговора, стучка чужих мнений и пустых размышлений взгляды случайно пересекаются. И вдруг больше не хочется отводить глаза. Сквозь произносимые к месту слова начинает просвечивать невероятно теплый и глубокий подтекст.

Когда встречаются тела, рождается яростная страсть. Когда встречаются умы, рождается поэзия. Когда встречаются души, наступает тишина.

✓ *«Увидимся, Жан!» – сказала Сабрина и направилась в сторону коридора»*
(часть 5)

Вы смотрите на человека и вдруг с удивлением понимаете, что он вам нравится. Приятно наблюдать, как он стоит перед вами и вертит в руках фломастер, как он пытается подобрать нужные слова, как он время от времени присаживается на стул, чтобы немного передохнуть, и погружается в свои мысли. Его голос начинает отзываться внутри. Вы осознаете, что уже давно оценили его со многих сторон, рассмотрели и... приходит ощущение: «Можно идти дальше».

Осторожно и мягко начинает подниматься внутренний барьер. По сердцу потихоньку разливается нежная теплая волна. Глубоко запрятанные мечты и любимые образы заполняют мысленный экран. На самом дне осторожно встрепенулись крылышки у совсем уже поникшего было доверия. Слова внезапно теряются среди нахлынувших картинок. И только бесконтрольная улыбка плавно блуждает от одного уголка губ до другого.

Приятно смотреть на этого человека и мысленно снимать с него уже ненужную одежду и ощущать собственную легкую дрожь и волны, пробегающие вверх и вниз вдоль позвоночника. Приятно представлять, как его тело будет отзываться на уверенные и полные огня подушечки пальцев. Приятно чувствовать поток расслабления, тяжесть, утекающую от головы в окружающее пространство, и ноги, теряющие свой привычный вес.

Вы встаете и говорите: «До встречи». И идете в сторону двери, погружившись в тонкие облака растревоженных фантазий. И ждете его ответного шага.

✓ *«Сабрина шла наощупь вдоль тонких линий улиц google-карты»*
(часть 6)

Билеты куплены, даты утверждены, визы получены, небольшой чемодан аккуратно сложен, подключены все роуминги, закончена вся неотложная работа. Наступает время «перехода». Из одного образа жизни в другой, из одной реальности в другую. Временное затишье в нейтральной зоне аэропорта. Безмыслие, разрыв в привычном течении повседневных событий. Идеальное время для организации, пересмотра своих планов, изучения давно стоящих в списке книжек и статей.

И воздух. Ослепительное солнце или блестящее звездное покрытие. Равномерный гул, умиротворяющие звуки колес тележек стюардесс и раз-

ворачиваемой и открываемой еды. Время «нигде», время «перезагрузки» и бесконечных фильмов трансатлантических перелетов.

Земля. Новая или всегда по-новому неожиданная. Чемоданы, встречи, отели, пляжи, конференц-залы, магазины, музеи, фонтаны, парки, дворцы. И, конечно, улицы. Каждый раз лежащие разным узором витиеватых линий. Неважно, где начать свое путешествие и какая улица будет первой. Ориентиром останется только послушная голубая стрелка.

✓ *«Море ворвалось внезапно»*

(часть 6)

Идешь по улице и чувствуешь, что с тебя начинают «падать скорлупки». Душа, как лебеденок внутри большого космического яйца, провалилась через все заслонки и готова сбросить пелену отслужившего свое серого оперения. Люди, которые тебя не понимали, учили чему-то, не прислушиваясь к твоим желаниям, злились или укоряли, пытались навязать себя или свой образ мыслей, постепенно теряются. Они уходят и не вызывают сожаления – только легкую пустоту отсутствия.

Каждая долгожданно сбывшаяся мечта отбрасывает в сторону очередное серое перышко, чтобы открыть мягкий и теплый белоснежный пух. Нет больше нужды скрывать свои чувства и останавливать свои мысли. Можно не вовлекаться в спешку, а можно и окунуться с головой в водоворот повседневных дел.

Когда внутри бульон из счастья
Клокочет пузырьками смеха,
Я подхожу к своим пуантам,
К качелям, книгам, фильмам, сказкам.
Я набираю ванну с пеной,
Иду в театр, музей, на танцы.
Смотрю на улицах, как люди
Спешат, ворчат, молчат и любят
В случайных взглядах друг на друга.

И внезапно легкое волнение и радость начинают просыпаться в самой глубине. Как будто остаются считанные минуты до Нового Года, когда раз-

дастся тихий звонок в дверь, и Дед Мороз принесет вам самый лучший на свете подарок, который мама с папой обещали вам столько лет. И ваши крылья почти окрепли для того, чтобы унести вас в ваше первое путешествие в небо.

Мне мысли шепчут о далеком,
Плывут, ложатся новой песней,
Стихами, прозой или кодом.
Иду вперед, иду и знаю –
Тобой наполнен каждый выдох,
Все луны, солнца, звезды мира,
Все города, моря и страны.
Дорогой в небо путь очерчен,
И я иду – а ты навстречу.

✓ *«Море услышало ее глубокий выдох...»*

(часть 6)

Усталость скапливается, как дождевое облако. Вокруг шеи, вокруг плеч, головы и лопаток. Но самая непроглядная мгла и предгрозовая тяжесть повисает в бронхах и отбрасывает мрачные тени на сердце. Со временем она перестает уходить совсем и только слегка перекачивается от содроганий мускулов в кашле. Это сдавленные эмоции, спрессованные, отжившие и чуть побулькивающие, ведут свое отделенное от реальности существование.

Иногда очень сложно найти человека, с которым можно будет просто сделать долгожданный выдох. С выдохом начнут потихоньку выползать и разминать затекшие конечности все некогда наполненные энергией мнения, «хотелки», оценки и более энергонасыщенные переживания. Чтобы выдержать такую лавину, нужны не только настойчивость и бесстрашие, нужно мужество и невероятное сострадание.

Есть люди, которые величественно, как море, пребывают в вечно изменяющихся искрах покоя. Они постоянно здесь и готовы отдать вам всю ту мудрость, что мягко покачивается на волнах их необъятного сознания. Они терпеливо ждут, когда вы придете, чтобы ее услышать. И сделаете глубокий выдох и первый вдох.

✓ *«Меньше слов – это их отсутствие...»*

(часть 7)

Море, мягкий закат, невысокие волны, танцплощадка на берегу, теплый ветерок и разноцветные, едва заметные, отблески диско-шара на столбах и полу сцены. Ровный, спокойный ритм в такт с шумом волн. Мелодия наполнена солнцем, учащенным биением сердца и легким возбуждением. Чувства обострены, тело и ум плавно и точно реагируют на прикосновения и оттенки ритма.

Весь танец сосредоточен «внутри» пары. Каждое движение рождается прямо в процессе «разговора», между ними нет перерыва, одно словно перетекает в другое, как волны, набегающие на песок пляжа. Сторонний наблюдатель видит лишь завораживающие линии танца, ровные движения и спокойные лица партнеров.

Но «изнутри» картина совсем иная. Сердце, буквально, превращается в огромный огненный шар и «плавит» чувства в пластику тел, «сцепленных» потоком ритмичных ударов джембе и отзвуками гитарных струн. Ощущение взаимного парения, концентрация на движениях, точности поворотов и усиленное во много раз восприятие внутренней красоты собственного тела.

Этот танец, сверкая в полете
Ярких красок стеклянного шара,
Мое сердце сжигает от жара
На какой-то чарующей ноте...

✓ *«Сабрина открыла распечатку статьи и погрузилась в чтение»*

(часть 9)

Бумага с нанесенными на нее буквами и картинками, скрепленная в книгу, задает своему нематериальному содержимому очень конкретную форму. Фактура обложки, дизайн страниц, цвета, размер – все это тщательно выбирается. Зачем? Ведь сегодня можно ограничиться электронным вариантом. Так дешевле, доступнее, проще и быстрее. Абсолютно верно. Есть только один тонкий момент.

Прикосновения к материалам различной структуры рожают уникальный спектр эмоций. Бумага на ощупь отличается от поверхности

мышки, папирус – от экрана планшета, глиняные дощечки – от блокнотов с интерактивными листами. Информация облекается в такие разные и непохожие формы, свойственные каждой эпохе. Суть не меняется – только восприятие.

Иногда просто приятно оторваться от монитора, взять в руки небольшую стопку скрепленных вместе листов, карандаш с ластиком, отправиться куда-нибудь к морю или в лес и погрузиться в чтение, попутно подчеркивая спорные моменты и особенно запомнившиеся словосочетания.

Песня 9

✓ *«Чувство яростной нежности»*

(часть 5)

- его прохладные губы после 20 часов тряски в душном поезде;
- слащавые ноты до боли знакомого медляка вечером в заикающемся радио на второй полке плацкартного вагона;
- тонкий аромат мужской туалетной воды и мягкие слова в каменной роскоши средневекового дворика;
- свет луны, его теплое дыхание рядом и руки, крепко обнимающие даже во сне;
- звонок в домофон своей собственной квартиры, потому что он дома, и ключи можно не брать;
- его дурацкий рюкзак в дверном проеме зала дурацкой вечеринки;
- едва внятное «мне нравится, как луна серебрит твои волосы...» на деревянной лавочке у яблоневого сада;
- еле втиснутые бутылка молока и кусок сыра в итак набитой сумке;
- его мягкая теплая толстовка среди давно забытого в шкафу барахла;
- тонкий слой белой строительной пыли на полу новой квартиры;
- запах чая с чабрецом и брусникой морозной рождественской ночью у теплого камина просторного деревянного дома;
- комната, освещенная десятками разноцветных свечей и наполненная ароматом цветов;

- самолет, самолет, поезд, поезд, машина, пустые разговоры с родственниками – только чтобы снова уснуть вместе;
- звук теплого летнего дождя и голова, доверчиво положенная ему на плечо, под пленкой, наброшенной поверх двух стогов сена;
- сильные, до боли заботливые руки на крепко вжатых в матрас бедрах и едва выносимый вес едва не сводящего с ума обнаженного тела;
- и сны, где он мягко и устало кладет голову на колени или подходит и бережно обнимает сзади за плечи.

✓ «...было тихо и пусто»

(часть 5)

Прежде, чем найти что-то действительно стоящее, иногда нужно пройти через сплошную вереницу разных «нет». Десятки неполученных работ и множество мест, в которые ни за что сам не заставишь себя пойти; банкоматы и терминалы, отображающие пресловутое «недостаточно средств»; люди, не подходящие то внешне, то эмоционально, то по своим буквально убивающим неискоренимым привычкам; квартиры и комнаты, окруженные невыносимыми соседями и неблагоприятными для жизни районами.

Среди всего этого равнодушия – только стук любимого сердца, забываемый и желанный. Только руки, бережно проводящие по волосам и усталым плечам. Ласковые, заботливые слова, произносимые в полудреме закатов и рассветов. Нежность, заполнившая вечность ожидания, и спокойствие от того, что есть, кого держать за руку.

В вечернем небе уже зажглись звезды – особенно яркие в морозной вышине декабря. А значит, пришло время наряжать елку и расклеивать нарядных Дед Морозов и рождественских оленей по оконным стеклам. Чтобы в полночь загадывать новое желание и услышать долгожданное «да».

В двух шагах от долгожданной встречи
 Я не помню, как восстановить дыхание.
 И зажженные в ночной квартире свечи
 Тени льют на стены в ожиданье.
 А потом сквозь шум машин и смех прохожих

Слышу голос, потерявшийся на сны и годы.
Звуки слов, прикосновенья рук, таких похожих
На настроенья переменчивой погоды.
Тишина внутри, на улице, везде и всюду,
И минуты делятся, тянутся беззвучно.
Твое тепло я обниму душой и буду
Им греться, если станет холодно и скучно.

✓ *«Я мечтаю, что эти годы без тебя окажутся страшным сном»*
(часть 5)

Есть люди, которым достаточно один раз заглянуть в глаза, чтобы увидеть отражение своей возможной дальнейшей жизни. Встречи с ними ждешь мучительно долго, растягивая расстояния, удлинняя разговоры, увеличивая нагрузки, изменяя привычки, забывая об отдыхе, затыкая уши в поисках утешительных мелодий, прячась за страницами книг, за экраном мониторов и кинотеатров. Страх встречи с ними сильнее страха никогда больше их не увидеть.

А потом подходишь и понимаешь – этих 2, 3, 6, 20 лет, что прошли с момента последней встречи, никогда не было. Время казалось таким реальным, только потому, что этот человек был далеко. А на самом деле, вы все ходили вокруг него кругами, тягостно отсчитывая количество сделанных витков.

Когда я ухожу – все рвется задержаться,
Когда ты рядом – я вижу глубину моей души,
Когда ты говоришь – я слышу те слова, что шепчет
Огненная сила, дыханьем огненным шипя.
Тревога и порывистые мысли,
Поспешность, чувство, острота.
И тишина...
Так быстро, так мимолетно-быстро
Проходит краткий миг касанья рук.

✓ *«Маленькая светящаяся точка сознания»*
(часть 7)

Время не здесь

По привычке потянешься к полке,
А любимые книги – в далеком городе.
Захочешь обнять родного человека,
Но нет денег на самолет.
Одиночеством пишешь бесконечные строки –
Друзья разбросаны по миру.
И мамин голос звучит, прерываясь, только в наушниках.
Жизнь не здесь,
Жизнь в письмах и мыслях,
Жизнь сквозь время, которого нет.

Однажды наступает момент, когда бежать больше некуда, да и сил нет, ни физических ни интеллектуальных, никаких. Внезапно сверху «падает» душная темнота и окатывает волной дрожи и тошноты. Похожие, но менее интенсивные ситуации повторялись уже столько раз, что ум уяснил – бежать некуда.

Сесть и «держаться» за пол, или остаться стоять, прислонившись к стене, или вцепиться в спинку стула. И закрыть глаза. Перед мысленным взором будет только темное пространство и бегающие по нему разноцветные «искорки» света. По мере того, как отступает внешнее, приходит внутренняя невесомость и «отрыв» от эмоций, мыслей, ощущений. Они плавно «проплывают» мимо, как корабли на военном параде.

Все, что бушует вокруг, не имеет никакого значения. Вы смотрите на себя со стороны и видите, что вы живы, вы дышите, вашему телу ничего не угрожает. Вы маленькая светящаяся точка в черноте океана. И вы неподвижны. Вы опора для самой себя. И вы есть свет, теплый, мягкий и необычайно сильный. Просто побудьте так. И чуть позже незаметно придет осознание, что свет везде.

✓ *«Здесь, в этой квартире, куда она рвалась столько дней и ночей, жила...любовь»*
(часть 7)

Когда заходишь в совсем новую квартиру, видишь пустые стены и покрытый слоем строительной пыли пол, сначала просто замираешь. Осознание того, что это теперь твой дом, мягко наплывает насыщенной, необъятной волной. Стены, пол, двери прощупываются внутренним вниманием, и все пространство постепенно заполняется теплом собственного сердца. Так сквозь окружающие вещи проступает любовь.

Стены квартиры или забор вокруг дома очерчивают кусок мира, который становится концентратом всего, что существует. Он пропитывается мечтами и мыслями живущих в его границах людей и хранит память о них. Если вы покинете его на длительное время и вдалеке от него вдруг забудете, кто вы на самом деле, он даст вам возможность вернуться.

Шторы будут колыхаться от дуновений ветра и шептать ускользнувшие детские сказки. Времена года будут проносятся мимо, оставляя на окнах то желтые листья, то снежные горки, то крупные дождевые капли. И у сердца будет достаточно времени на то, чтобы выровнять свой нарушенный ритм.

✓ «...любовь. Оставленная и свято хранимая...»

(часть 7)

Одна строка текста. Четыре ночи без сна. Шесть лет ожиданий в переделах в никуда, в исписанных днями и ночами страницах, в шуме крон деревьев, проносящихся за окном автобусов, машин, поездов. Почти невозможная задача, не имеющая никаких шансов на решение. Вызов, брошенный в пустоту.

Когда буквы становятся острее бритвы, когда слова творят реальность, когда решения поворачивают жизнь в новое русло, а музыка открывает путь к сердцу. Ледяной ветер в лицо, череда внезапных укулов в сердце среди колонн величественного собора, жгучие ноты наполненной солнцем мелодии, зажегшееся энергией, плавящееся в танце тело, головокружение, головокружение...

Только одна строка короткого сообщения. И это победа.

Черное небо, южная ночь и море,

Волны, кричащие.

В шум погруженные

Звезды, зовущие,

В темной воде отраженные.
Твои руки, теплый песок и роза,
Глаза горящие.
В нашем общем дыхании –
Мысли, живущие,
У края туннеля в сознании.

✓ *«Нерешительный тонкий стебелек»*

(часть 7)

Доверие, как растение, оживает из маленькой золотой искры-семени. Оно молниеносно или, наоборот, долго и нерешительно протягивает тонкий стебелек от сердца к сердцу. Набирает сок и вдруг растекается любовью, распахнув лепестки.

✓ *«Сейчас я встану и больше не буду ждать звонка в дверь»*

(часть 7)

Я понимаю, что ты ударил самого себя,
И говорил с такой жестокостью
Только со своим отражением,
Ты видел свои обиды, свои несбывшиеся мечты,
Свою покусанную гордость.
Я понимаю. Но так мне больно.
Я не хочу, чтобы ты такой был рядом.
Ты знаешь, куда тебе пора идти,
И где в тебе вспыхнет снова хрустальный свет –
Как крылья бабочек, чуткий и нежный,
Как волны, плавный, и как небо, безбрежный.

Про месть, ревность, зависть и «чудовищную несправедливость».

Когда от взрыва эмоций рвет внутренности, и красная пульсирующая пелена заслоняет солнечный свет. Когда так больно, что крик застревает в горле, и кажется, что голова разорвется от нахлынувшей крови. Треснет по швам. Мечется в агонии, ищет выхода каждая хранимая в па-

мяти несправедливость. И шипит, и стонет, и бьет в виски раскаленной ненавистью.

Измена, насилие, мощнейшее психологическое давление, неожиданный удар от человека, к которому только начал испытывать доверие, положительный тест на абсолютно не уместную беременность, реализация мечты чужой проектной командой, публикация текста без указания автора, борьба за выживание или просто внезапно стертый результат нескольких месяцев работы.

Слишком сильные эмоции, чтобы переварить их в момент поступления. Поэтому их можно только... наблюдать. Смотреть, как реагирует тело, смотреть на всю эту лавину... и не трогать. Любое, малейшее действие вызовет цепную реакцию необратимых последствий. Смотреть и принимать все, как есть, не делая никаких выводов, прогнозов, предположений. Не делая н-и-ч-е-г-о.

Можно вцепиться в спинку стула, можно взять в руки любимую игрушку или картинку. Все, о чем в этот момент болтает, кричит и беснуется вспышками воспоминаний ум, — не имеет никакого отношения к реальности. Не имеет. Никакого. Точка. И н-и-к-т-о не виноват в том, что с вами происходит. И вы тоже. Это просто происходит. Безо всяких причин. А потом это перестанет происходить. И вот тогда и поговорим.

«Nobel prize»

Мы мечтаем. Мы создаем в непроявленном мире собственного воображения четкие или еще туманные образы. Для этого нужен ум. Он составляет «чертеж» решения насущной проблемы. И на это организмом выделяются необходимые ресурсы.

Когда вы находитесь в мире фантазии, вас нет в проявленном мире реальности. Просто нет. Вы не видите, что происходит вокруг. Это все равно, что говорить по телефону за рулем. Вы физически присутствуете, но ваша способность реагировать снижена. Вы «выпадаете из реальности».

Более того, ваши «намысленные» образы передаются по наследству и живут уже в уме ваших детей. Очень похожая концепция содержится во фразе из рекламы одного из популярных сериалов: «Как объяснить сыну, что он вырастет и будет платить за нашу ипотеку?».

Возвращайте свои мечты себе! Проведите ревизию всего этого старогохлама в вашей голове. Ваши дети рождаются, чтобы научиться создавать, вынашивать и воплощать в реальность... образы,.. но не обязательно ваши. Просто образы. Любые. В зависимости от количества доступных данному организму ресурсов. Осторожно – созданный _вами_ образ может буквально убить другой неподготовленный организм, старающийся воплотить такую мечту в реальность.

Сама жизнь через конфигурацию под названием «человек» хочет проявить себя. И больше ничего. Человек – просто потрясающий механизм для порождения образов во всей полноте смысла слова «порождение».

✓ *«...while leaving the blurred uncertainty as a value of his daughters' age variables» («...оставляя размытые очертания неизвестности в значениях переменных возраста своих дочерей»)*

Стук клавиш по клавиатуре компьютера. Неравномерный, тягостный – ночной. Монотонный, тоскливый – вечерний. Внезапный, резкий – утренний. И тревожная фигура сидящего – за экраном изменяющихся со временем мониторов.

Человек, которого никогда эмоционально нет, когда он нужен, и который внезапно есть, когда его непомерная усталость срывается в крик. Затерянный в мире символов, дедлайнов и амбициозных целей, он терпеливо и судорожно ждет момента, когда уже можно будет стать собой. Расправить плечи, заглянуть в глаза дочерям, растерянно пытающимся понять, что они снова делают не так. Узнать, что их заботит, что им нравится, сколько им, наконец, лет. И почему они оказались там, где оказались, стремясь реализовать его мечты.

Уже можно. Можно стать собой прямо сейчас. И здесь. Выдохнуть. Решиться. Сделать шаг и остаться лицом в направлении себя.

✓ *«These memories wait until the sound of bell-ringing would break the silence...» («Эти воспоминания ждут мгновения, когда звук церковного колокола разобьет тишину...»)*

Однажды маленькая девочка увидела, как взрослый человек плакал. Она не знала его таким. Он ходил вокруг церкви кругами, и слезы катились из его глаз. Слова замерли у нее внутри. Она не могла понять, что происходит, она утонула в его боли, и ее маленькое сердце билось, от-

чаянно и безнадежно ища помощи. Он был так одинок в своем горе, что не замечал никого вокруг. А девочка стояла и смотрела на него. Она была рядом, а он и не знал.

Люди уходят неслышно, падая в неизвестность, как листья, когда приходит их время. Вечность открывает перед ними дверь, и они уходят в свет в полной тишине, в такой тишине, в которой нет времени, в которой нет ничего, кроме всего. И в этот момент бесконечная легкость пронзает все существо, любовью наполнив уставшее сердце. И там, где совсем недавно был лишь белый трепещущий комочек, запутавшийся в собственных страхах и боли, бабочка всколыхнула воздух взмахом прозрачного крыла.

А он не знал, и боль придавила его. Не знал, что те, кто уходят, приходят к нам и остаются с нами навсегда. Он перестал рассказывать сказки, он тоже решил уйти, забыв, что двери всегда открываются сами, только сами, и именно тогда, когда наступает их черед. Сильный человек отдал свою силу ветру. И полетел ветер нескончаемыми песчаными бурями, засыпая плодородные поля и губя нежную зелень беззащитных всходов. Смерчем кружась по чутким долинам, понес ветер дыхание смерти землям, простирающимся до самого горизонта.

Пришла тьма, надежно укрыв тепло и ласковую лучезарность душевного огня от посторонних глаз. Тьма встала на страже, выставив вперед шипы бессильной злобы. Свет стал невыносимо резать глаза, разрывая хрупкую эластичность сосудов. Одиночество влилось в жизнь и заполнило ее до краев, выжигая робку женственность надежды.

А девочка все стояла и смотрела. Взрослый человек снова плакал. Но теперь она пришла сказать ему, что однажды в старом доме на окраине поляны ночь окутала ее тишиной, такой, в которой нет ничего, кроме всего, в которой нет ни страха, ни боли, ни отчаяния. И тогда мотылек, мягко разрезая крылышками воздух, прилетел к ней из небытия, отбросив трепещущую тень в пламени свечи.

Люди уходят неслышно, принося запах скошенной травы и масляных красок, разбросанных на солнечном тепле летнего песка. Уходят, чтобы навсегда остаться в сердцах тех, кто любит их. Уходят, чтобы достать до самого дна нашего сердца и осветить темноту сиянием и теплом ослепительного огня.

«Imagination»

✓ «...somewhere inside I feel the emptiness of creation opening up – vibrant and alive» («...я чувствую, как где-то внутри раскрывается зияющая пустота творения – пульсирующая и живая»)

Редко мы открываем свое сердце сразу. Можем долго ходить вокруг да около, ждать подвоха, придирааться к мелочам, искать скрытый смысл, притягивать ситуации бесконечных «проверок», «подставок», разочарований и «обманутого ожидания». Пока однажды не поймем, что открыть сердце – это просто решение. Оставаться в моменте, пропускать мимо ушей все, что предлагает ум, и внимательно слушать голос собеседника напротив себя.

Душа говорит абсолютно неслышно, не приемлет никаких «надо», никакой силы и грубого давления. Ей не нужны наши уверения, достижения, напор, обиды, месть или объяснения. Она всегда здесь и постоянно ждет, когда хотя бы секунда нашего внимания будет уделена целиком ей, только ей. Чтобы все остальное для нас в этот момент перестало существовать. Только мы и она.

И тогда произойдет чудо. Она подождет еще немного, чтобы удостовериться, что мы действительно обращаемся к ней. И неожиданно вся затрепещет, зазвонит тихонько в радостном возбуждении и начнет говорить. А за ней отзовется и душа нашего собеседника.

Когда ритмы двоих дают резонанс,
И внутри пробегает разряд электричества,
Все пространство звенит и волнуется,
Плавно льется волнами энергии.
Я, любуясь, смотрю на бегущие мысли,
Вижу вспышки и тьму, паденья и взлеты,
И искристую радость мгновения,
И мягкую грусть отсутствия.
А потом трепет волн рождает действие,
Наполняет мышцы золотом взлета.
И тогда я встаю и иду вперед,
И мной творится реальность.

✓ *«When major changes happen, they come unnoticed till the very last moment» («Когда случаются большие перемены, их влияние осознается только в самый последний момент»)*

Теплые яркие лучи фонариков пробегают по заснеженным лапам высоких елей. В душистой и хрустящей тишине зимнего леса три человека идут по узкой тропинке, большую часть которой занимает свежепроложенная лыжня. Студеный воздух щиплет лицо и мягко обволакивает темнотой застывших кустарников. Дерево, упавшее поперек пути, лосиные следы, веточки брусники, спрятанные под покровом снега и слегка замерзшие кончики пальцев, заботливо укрытые горнолыжными варежками, – все это отзывается внутри тонким ароматом удовольствия с едва заметным привкусом неожиданного доверия.

Если вы когда-нибудь гуляли по запруженному людьми вечернему проспекту большого города и в вашей голове звучала непонятно откуда возникшая музыка, вы бы поняли, что люди, которые оказываются на вашей дороге посреди пустой субботней суеты, могут вдруг остаться в вашей жизни и принести с собой аромат зимнего леса.

А потом вы сядете перед пылающим камином с обожженными морозом щеками и будете наблюдать, как колышутся за закоптевшим стеклом дверцы непрерывно переменчивые золотые языки пламени. Время остановится на несколько вдохов и выдохов, замороженное холодом звездного неба в огромных окнах деревянного дома. И в вашей памяти останутся три человека за столом и аромат отвара на листьях вырванной из-под снега брусники.

Чай с чабрецом и зимней брусничкой.

Горячий.

Огонь в камине.

Спрячем

Все наши чувства, поговорим о снеге,

Словах, судьбе двуликой.

И в блеске глаз прочтем о неге,

Томительно струящейся

Внутри нас.

✓ *«Some second just breaks the ordinary endless flow of thoughts» («И в эту неожиданную секунду привычный поток мыслей вдруг обрывается»)*

В какой момент начинается поворот в сторону глубокого интереса к собеседнику? Когда внутренний вектор, чуть вздрогнув, незначительно отклоняется из нейтрально-дружественного положения? Возникают первые, едва заметные, волны взаимного притяжения. И намеренно сдерживаемая, восторженно-мягкая, сила просачивается сквозь приоткрывающиеся защитные механизмы.

Это происходит, когда голос и слова сидящего или стоящего напротив человека оказываются искренними. Не всегда приятными или подходящими для «идеального» образа. Такой человек может вообще не вызывать романтических или сексуальных чувств. Есть только исключительная правда произносимого. Это невероятно красиво. И на это можно опереться.

✓ *«I sense that these moments will become a memory at any tick of the clock» («Я ощущаю кожей, что эти мгновения превратятся в воспоминание в непредсказуемый момент, заданный случайным положением секундной стрелки»)*

Вы смотрите на человека и понимаете, что вы никогда не играли в его жизни той роли, которую он сыграл в вашей. Вы были одним из многих. Он был для вас всем, что существует в этой Вселенной.

Вы смотрите на него, непроизвольно запоминая его черты, все еще чувствуете кожей его присутствие и вдруг начинаете мысленно прощаться. Его чужой запах, его чужие мечты и его чужой язык через мгновения останутся только в легком шлейфе воспоминаний, парящих над цветными пикселями фотографий.

«TWIN»

– Зачем ты продолжаешь собирать эти никому не нужные данные, зачем ты продолжаешь выкладывать их у себя на сайте, не получая ответа? Кто их увидит?

– Весь мир! – радостно ответил ученый.

✓ *«Who wants to become the first in the world?» («Кто хочет стать первым в мире?»)*

Первым в классе, первым в школе, первым в мире. И чтобы обязательно похвалили и дали Большую Золотую Медаль. Пожали руку, торжественно

обняли и вручили Большой Букет Цветов. И тогда мама с папой, бабушка с дедушкой, сестры с братьями, любимые, друзья и враги – все увидят, какой я молодец. Восхитятся, и наступит благодать...

Это будет только первый шаг в большой череде будущих успехов и неудач. Встречать неудачи и уметь подниматься после них – это мастерство. Но встречать успех, проживать все его оттенки и после периода блаженного глубокого отдыха начинать готовиться к новому путешествию, – это искусство.

Только вы знаете, как будет выглядеть ваш успех. Если по ночам в детстве вам снились балы и кафедры лучших университетов мира, значит, так оно и будет. И если кто-то смеется над вашим первым неуклюжим выступлением на школьной сцене среди шума столовки и жующих булочки малышей, значит, для этих людей успех выглядит по-другому.

✓ *«He passed away fast as he had always been» («Он ушел с той же стремительностью, которая всегда присутствовала в нем»)*

Сложно сказать, выбираем ли мы своего отца задолго до нашего рождения. Зачем мы в таком случае добровольно обрекаем себя на жизнь с алкоголиком или трудоголиком, с эмоционально далеким человеком или с грубияном – или с тем, который сочетает в себе сразу все эти характеристики? Можно привязать сюда различные теории, частично или полностью объясняющие такую «несправедливость». Но в результате неизбежно встает вопрос: «А надо ли?»

Однажды в вашей жизни просто появляется человек, который именно такой, каким вы всегда хотели бы видеть отца. Он становится вашим учителем. Он окружает вас вниманием и искренним уважением, бережно направляет вас, учит работать вместе с другими людьми, слушать свое сердце и всегда ценить каждый из ваших навыков. Он поднимает поникшие за вашей спиной крылья, расправляет их и с восторгом проводит рукой по растрепавшимся перышкам. Улыбается...и внезапно покидает этот мир.

Вы ошарашенно оглядываетесь по сторонам, слегка пошатываясь. Вы смотрите на окружающих и не слышите привычных ласковых и внимательных слов – любимая работа начинает отсвечивать болью внезапной утраты. Все профессиональные термины режут слух на губах отчужденных, умных, гордых или застенчивых профессоров, начальников и учителей. Вы в отчаянии поворачиваетесь к отцу в надежде на то, что вы сможете отыскать в нем того, кого вы потеряли. После нескольких лет бесплодных попыток опять приходит тот же самый неизбежный вопрос: «А надо ли?..»

И тогда вы начинаете сами произносить уже почти забытые слова, которым когда-то научил вас стремительный и чуткий, невероятно любознательный и уверенный в себе человек. Сначала тихо, сквозь выступающие на глазах слезы, пугаясь каждого случайного слушателя, временами срываясь в крик от непонимания и унижения. А потом все громче и увереннее, пока однажды не почувствуете, что этот язык стал вам родным.

✓ «*There is no Truth WithIn – it's emptiness*» («...Нет никакой внутренней правды – это пустота»)

Плавный трепет пространства
В огоньках подумслей,
Получувств, полувспышек эмоций.
Тихий шепот по коже,
И волна вдохновенья
Полетела, раскинула крылья.
Слышу шелест прибоя,
Замерев в ожиданьи.
Чую близость заветного пика.
Рост волны в бесконечность.
Расстановка событий
По канве, пронизавшей реальность.
Острый гребень, прыжок,
Завершение творенья.
Мягкий спад в электрических брызгах.

Увидев кажущийся волшебным навык или совершив потенциальное открытие, мы погружаемся в эйфорию. Может показаться, что обладатель такой «сверхспособности» танцует «как Бог», или пишет «неземные» тексты, или говорит «великие вещи», или что наша идея «разорвет рамки привычного» и вызовет «всеобщий восторг». Мы развиваем бурную деятельность, ищем единомышленников, прикладываем нечеловеческие усилия и с насюда приступаем к изучению или создаем первый рабочий вариант. Бежим всем рассказывать и показывать...и вдруг понимаем, что никому это не нужно, кроме нас и узкого круга знакомых.

Оптимисты в этот момент в сердцах махнут рукой и побегут искать новый источник вдохновения. Пессимисты погрузятся в тоску и, в очередной раз послав проклятия в сторону невидимых оппонентов, отправятся смотреть телевизор. Но некоторые добровольно идут в путешествие по «долине пустоты и смерти». Лучше туда не попадать вовсе, но если так случилось, то придется продолжать экспериментировать, идти, падать, вставать, лежать, в тоске глядя в потолок или в зеркальные стены бесконечных спортивных залов, и снова подниматься. Когда финишная кривая такого пути вышибет из вас последние остатки духа, пустота вдруг схлопнется.

Вдруг окажется, что попытки были ненепосредственными, что вся их случайность лежала на невидимой, точно выверенной кем-то траектории. Появятся один-два человека, в глазах которых от ваших умений или идей запрыгают искорки. И этого будет достаточно. Окажется, что чему-то вы все-таки успели научиться или что-то вы все-таки сделали. И это будет начало.

✓ *«...captured by motion pictures broadcast by their individual brains»*
(«...захваченные фильмами, которые прокручиваются в уме каждого из них»)

Однажды ты увидишь,
Как разбилось мое сердце,
Найдя следы твоих слов,
Услышав ноты чужих желаний,
Узнав отражение нашей любви
В чужих глазах.
Такие параллельные жизни,
И у каждого свои мечты,
Свои запахи, свои страны,
Небо, распластанное над головой,
И отражение солнечного света
В чужих глазах.
Прощай, любимый,
Отдаю тебе свои песни и рисунки,
Наброшенные в ожидании тебя.
Ты ушел так много лет назад,
Что я потеряла твой мягкий образ
В чужих глазах.

Пространство трепетало, и ум интерпретировал эти вибрации как отдельные мысли. Наполнял смыслом, классифицировал, присваивал, отбрасывал, и снова слушал, и снова захватывал и отделял. Упоенный своей бесконечной кропотливой работой, он то и дело дергал тело, просил его встать, сесть, повести плечом, повернуть голову, побежать. И ему казалось, что нет ничего более логичного, разумного и правильного, чем его непревзойденная точность и скорость.

Пространство трепетало, и сердце билось с ним в унисон. Оно слышало малейшие оттенки то и дело изменяющихся колебаний. Оно гоняло кровь по отдельным частям тела и вызывало приливы бесконечного потока эмоций. Чутко отзываясь и мягко подстраиваясь, сердце чувствовало единство с улавливаемыми ритмами и глубокое доверие к ним.

Пространство трепетало и наполняло все вокруг энергией жизни. Лилось золотыми волнами сквозь тело, ум и сердце, пронизывая и питая, струясь и звеня, играя и радостно искрясь. И сердце стучало, и ум продолжал говорить.

Когда падает занавес,
Сердце трепещет,
Как бабочка,
Коснувшаяся крылом
Раскаленной лампы
В безумной погоне
За ледяным жаром солнца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	2
Благодарности	4
Песня 1 – Коридор	5
Песня 2 – Смерть, или «руками не трогать»	8
Песня 3 – Дети	14
Песня 4 – Крик	18
Песня 5 – Секс	21
Песня 6 – Женщина	25
Nobel prize	30
Песня 7 – Свет	32
Песня 8 – Море	36
Imagination	42
Песня 9 – Звонок в дверь	44
TWIN	51
Когда падает занавес	55

Литературно-художественное издание

Александра Рощина
ПЕСНИ В ОДИНОЧКУ

Художник Елена Канаева
Издание выпущено в авторской редакции

Отдельная благодарность #Марине Закревской
за финансовый вклад в издание книги.

Подписано в печать 19.04.2017. Бумага офсетная. Заказ № 110/12.04.17
Отпечатано в типографии ООО «ГАЛАРТ+», Санкт-Петербург, ул. Б.Монетная, 16.
www.galart.ru

ISBN 978-5-90-609010-2

© <http://twin-persona.org>
© Александра Рощина, текст. 2017
© Елена Канаева, иллюстрации. 2017
© ООО Издательство «ГАЛАРТ+», дизайн-макет. 2017